

Арина Теплова

Дар чародея

Чародеи

Арина Теплова

Дар чародея

«Автор»

2022

Теплова А.

Дар чародея / А. Теплова — «Автор», 2022 — (Чародеи)

1860 год. На проселочной дороге коляска графа Чернышева нечаянно сбивает странную девушку в неприличном одеянии. Незнакомку зовут Надежда, и она как две капли воды похожа на любимую жену графа Сергея Лидию, которая пропала год назад. Девушка не помнит, как попала на дорогу, но отчетливо знает, что жила в XXI веке. Пытаясь не показать своей паники, Надя скрывает ото всех, что она из будущего, и изображает барышню XIX столетия. Вскоре она понимает, что оказалась в прошлом неслучайно, так как в доме графа начинают происходить странные непонятные события, а некоторые жители усадьбы не так просты, как кажутся на первый взгляд... Каждая книга в серии "Чародеи" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог. Завет отца	6
Часть первая. Попаданка	12
Глава I. Выпускница	12
Глава II. Незнакомка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Арина Теплова

Дар чародея

В этой жизни я искала только одного, любви... неважно какой – любви детей, мужчины, матери, подруг, окружающих людей, животных... только ее.... Только ради любви мне хотелось жить дальше, существовать в этом жестоком и суровом трехмерном мире. Лишь любовь близких и далеких людей, возможность и желание одаривать ею в ответ давали мне силы терпеть невзгоды и идти по тернистому жизненному пути...

Пролог. Завет отца

Российская империя, Воронеж, 1847 год
усадьба Михайлово

Прошествовав мимо дворецкого, Сергей на ходу стянул шляпу и перчатки. Протягивая их слуге, мальчик приветливо улыбнулся и велел:

– Илларион, будь любезен, отдай перчатки прачкам. Я испачкал их, когда катался.

– В чайной вас ожидают, барин, – заметил вежливо дворецкий, беря из его рук шляпу и окидывая добрым взором худощавого высокого паренька, которому на вид было лет двенадцать.

– Кто же? Я вроде никого не ожидаю.

– Не могу знать, Сергей Михайлович, – ответил Илларион. – Сказали, что ваши родственники.

– Родственники? – удивился Сергей, ничего не понимая. Ведь он остался единственным наследником графов Чернышевых после смерти родителей восемь лет назад. Двоюродный дядя по материнской линии, Борис Львович, который все эти годы был его опекуном, скончался неделю назад. – Весьма странно.

– И я так думаю, барин, – согласился слуга. – Служу у вас уже семь лет и ни о каких родственниках Чернышевых не слыхивал.

Сергей кивнул и, похлопав дворецкого по плечу, быстро направился по помпезному широкому коридору в чайную залу, которая служила для первичного приема гостей и предвзяла ореховую гостиную. Распахнув высокие двери, мальчик вошел в уютную комнату, стены которой были обиты изумрудным шелком.

В кресле у дивана сидела приятная немолодая дама в строгом сером платье и черной шляпке. Рядом с нею стоял высокий мальчик лет двенадцати с темными вихрами и в простом костюме.

– Здравствуй, Сереженька! – ласково воскликнула пожилая дама ее голос был очень молод. – Меня зовут Велина Александровна.

– Мы знакомы? – нахмурившись, спросил мальчик, осматривая пришедших.

– Я твоя прабабушка, а это твой родной брат, Никита Михайлович, – ответила дама, чем вызвала неподдельное удивление не только на лице Сергея, но и у второго мальчика.

– Я не понимаю вас, – вымолвил Сергей.

– Бабушка, что вы говорите? Я родственник графа Чернышева? – опешил Никита.

– Да. Ты такой же сын Мишеньки, как и Сережа. Вы родились в один день, двенадцать лет назад в этом доме, – объяснила Велина Александровна. – Вот, у меня есть все метрики и документы, – она полезла в небольшую бархатную сумочку и достала дряблыми руками какие-то бумаги. – Сегодня же мы вызовем адвоката, и он восстановит справедливость и оформит все надлежащие бумаги. Вы будет жить вместе, мои голубки, как графы Чернышевы, и я с вами. Теперь опасность миновала и можно выйти на свет.

– Но этого не может быть, – пролепетал Никита.

Все это время он думал, что он сын умершего плотника, и они жили с бабушкой Велиной в маленькой деревеньке под Орском, в нищете. Мало того, все жители деревни недолюбливали их, хотя и ходили за лечебными снадобьями к его прабабушке, которой этой зимой стукнуло семьдесят. Деревенские дети Никиту побаивались, и никто не играл с ним, считая его таким же ведьмаком, как и его бабушка. Хотя кое-чему бабушка Велина его и научила, все же мальчик скрывал ото всех свои умения, ибо не хотел, чтобы окружающие люди, которые и так не жаловали их, возненавидели его. Никита помогал бабушке делать крынки и снадобья, ловил рыбу

для продажи в лавке местного купца. Все эти годы они жили в бедности, перебиваясь с хлеба на воду.

– В это невозможно поверить, – опешил Сергей. Оказывается, все эти годы у него были брат и бабушка.

– Естественно. Ведь правда долгие годы была скрыта от вас, дорогие мои. Но это только для того, чтобы хотя бы один из вас, голубков, остался жив.

– Бабушка, вы объясните все толком, – вмешался уже недовольно Никита. – Я тоже ничего не понимаю из ваших странных слов уже который день.

– И я уже весь в волнении, – кивнул Сергей, ощущая некую радостную эйфорию от того, что у него есть родные люди. Его родители погибли весьма неожиданно и непонятным образом, когда ему было всего четыре года.

– Успокойтесь, мои дорогие, – улыбнулась дама и посмотрела по очереди на мальчиков, которые хоть и родились в один день, но не сильно походили друг на друга. – Теперь все плохое позади. Мне наконец-то удалось устранить физически этого черта-колдуна, и отныне мы заживем все вместе, семьей, как и желали того ваши покойные родители.

– Колдуна? – удивился Никита, который тоже ничего не понимал, ибо прабабушка ничего не говорила ему последние три дня, заявляя, что они должны поехать в Воронеж к молодому графу Чернышеву и именно там она все и объяснит.

– Да. Колдун, который следил за Сереженькой, словно коршун все эти годы, наверняка извел бы и тебя, Никиша, если бы узнал, что у графа есть еще один сын. Ты же, милоч, – она посмотрела на Сергея, – остался жив только из-за того, что проклятый колдун надеялся на то, что ты знаешь некие тайны, которые отец мог поведать тебе перед смертью.

– О каком колдуне вы все время говорите, Велина Александровна? – спросил Сережа. – Это что, какие-то сказки? И вообще, мой опекун, дядя Борис Львович, говорил, что у меня нет родных.

– Он и был колдуном. Это он погубил ваших несчастных родителей, мою внучку Наташеньку и ее мужа Михаила. А тебя, Сережа, держал при себе и пытался подчинить себе.

– Согласен, дядя был весьма строгим, даже жестоким человеком, я бы сказал. Я не любил его. Но зачем ему...

– Он небось спрашивал тебя про завещание отца? – задала вопрос Велина Александровна.

– Спрашивал, – кивнул Сергей. – Но отец ничего не оставил.

– Естественно. Потому что ваши родители унесли все тайны с собой. И о завещании твоего отца знаю только я. Но колдун думал, что, возможно, отец все же что-то рассказал тебе. И явно рыскал везде все эти годы, чтобы найти завещание.

– Действительно, дядя искал какой-то клад, – задумчиво произнес мальчик, прекрасно помня, что Борис Львович постоянно пытался найти некие сокровища, облазил все подземелье их фамильного особняка, перерыл с помощью крепостных весь матушкин сад, и даже искал в стенах дома. Но так ничего и не нашел.

– Он надеялся, что отец все же оставил тебе завещание, но твой покойный батюшка знал, как это опасно. Ведь первый их малыш, ваш старший братец, был убит темными колдунами, едва родился. И этот черт Борис был из их числа.

– Бабушка, неужели я и правда граф Чернышев? – вымолвил Никита, только сейчас осознавая, что все эти годы проживал не свою жизнь.

– Да, милоч. Такой же наследный граф по закону и рождению, как и твой брат Сереженька, – улыбнулась она ему в ответ.

– Бабушка, но отчего мы жили с вами в глуши? – не удержался Никита возмущенно. В его сердце поднялось негодование, отчего его брат Сергей жил в роскоши все эти годы, а он

в нищете. Почему он был выбран для этого, а не брат. Ведь, как он понял, они двойняшки. И это казалось мальчику несправедливым.

– Предчувствуя свою гибель, ваш батюшка настоял на том, чтобы мы с тобой, Никита, уехали и скрывали наше существование. После нашего отъезда он рассчитал всю прислугу и нанял новую, чтобы они не могли знать, что у Чернышевых был еще один сын. Я забрала тебя, касатик, с собой и мы жили вместе, – объяснила бабушка. – Твой отец многое знал наперед. И когда ваши родители погибли в схватке с колдуном, который на самом деле не был твоим дядей, этот черт стал опекуном Сережи, чтобы выведать все про завещание вашего батюшки.

– Но почему именно я жил в бедности, почему выбор отца пал на меня? – заявил Никита обиженно.

– Ты возмущен, дорогой? – подняла брови Велина. – Наоборот, ты должен благодарить своего батюшку за то, что он выбрал тебя для этого. Потому что мы не знали, выживет ли Сереженька. Все-таки он остался тут в лапах колдуна и в любой момент мог погибнуть. Его жизнь здесь была гораздо опаснее.

– И роскошнее, – буркнул Никита мрачно.

– Прекрати эти глупости, – строго сказала Велина. – Плохое позади, и мы все вместе. Все эти долгие восемь лет я пыталась разделаться с этим чертом и его прихвостнями. И постепенно уничтожала их одного за другим. С самим же колдуном Борисом мне удалось справиться только после совета светлых старцев-волхвов, которые надоумили меня, как от него избавиться. Потому что физически убрать его было почти невозможно.

– Так для этого вы уезжали из нашей деревни неделю назад, бабушка? – понял Никита.

– Ты верно догадался. Я была здесь.

– Но дядя умер от сердечного удара, – уточнил Сергей.

– Естественно, – кивнула старушка. – Я все сделала так, чтобы доктора так и думали. И не стоит называть его дядей, он тебе не родной.

– Теперь я понимаю, – сказал задумчиво мальчик.

Возникла недолгая пауза. Сергей и Никита переосмысливали все слова прабабушки и не могли прийти в себя от этих новостей.

– Что задумались, голубки? – подбадривающе улыбнулась она мальчикам. – Мы вместе, снова одна семья. И отныне заживем счастливо, ведь так?!

– Я очень рад этому! – вдруг воскликнул Сергей, первым придя в себя, бросился к Никите и крепко обнял его. – Братец! Так хорошо, что вы вернулись домой!

Никита же не выразил восторгов по этому поводу и в ответ, чуть приобняв брата, промямлил:

– Наверное. И вы будете не против, чтобы мы жили с вами, граф?

Сергей отстранился от него и искренне ответил, улыбаясь:

– Нет! Я только рад буду! В этом огромном доме так неуютно одному. А теперь у меня есть родные люди. Благодарю вас, бабушка!

Он обнял и ее. Старушка радостно рассмеялась и проворчала:

– Осторожнее, дорогой, не жми меня так. Я уж немолода, еще сломаешь мне ребра. А мне еще надобно прожить лет пятьдесят...

Все рассмеялись, и даже Никита, которому явно понравилось теплое отношение к нему Сергея.

– Скоро ваши именины, касатики, – сказала Велина. – Подумайте, что каждый из вас хочет получить в подарок. Мы прочтем завещание вашего батюшки, он оставил его для вас. Ибо всегда верил, а скорее всего, знал, что мы снова будем вместе. Он мог видеть будущее. Так и вышло...

Пятнадцатого июля, в день двенадцатых именин молодых графов Чернышевых, на закрытый прием в фамильный особняк на Малой Дворянской улице были приглашены только добрые и сердечные люди, как сказала Велина Александровна, которые искренне радовались воссоединению семьи и возвращению Никиты и его бабушки. Кроме дворянских семейств, здесь присутствовали купцы, мещане и пара непонятных людей, похожих на отшельников или монахов. Велина Александровна была рада приезду всех гостей, знатных и нет, угощая за обильно накрытым столом всевозможными яствами. Гости желали мальчикам здоровья и скорейшего взросления, жали им руки и высказывали надежду, что Чернышевы найдут свой путь и счастье в этом мире.

После того как все гости разъехались по домам, бабушка Велина, как теперь ласково называли ее мальчики, привела их в бывший кабинет отца и закрыла дверь на ключ.

Сидя в кресле Михаила, старушка окидывала своих правнуков любящим взором, сегодня они оба были модно одеты в сюртуки и светлые штаны, как и полагается мужчинам-дворянам, и держались весь вечер очень достойно. Она была горда ими, понимая, что мальчики выросли хорошими детьми, и надеялась на то, что они станут и замечательными душевными молодыми людьми. Сегодня она намеревалась отдать им дары покойного отца, которые отныне должны сопровождать их по жизненному пути.

Они родились в один день, но не сильно походили друг на друга. Сергей имел русые волосы, светло-голубые глаза отца, миловидное лицо. Он был добродушным, немного застенчивым и спокойным. Никита же был темно-русым с зеленью глаз матери, беспокойным, подвижным и немного вспыльчивым. Хотя он и вырос в простых условиях, в деревне, врожденный аристократизм все равно проявил себя. И теперь он смотрелся вполне органично в дорогом костюме и мягких бальных туфлях.

Они стояли перед ней, и Велина видела, что Сергей постоянно жмет брату руку и словно пытается угадать его настроение.

– Бабушка, вы говорили, что батюшка оставил для нас какие-то ценные вещи, – спросил нетерпеливо Никита. – Вы же для этого позвали нас сюда?

– Ты прав, милок. Сейчас я вам все и отдам.

Глаза Никиты загорелись, ибо он предчувствовал, что их отец, имеющий огромное состояние и множество крепостных душ, наверняка должен был завещать им нечто дорогое.

Велина Александровна встала и подошла к большой напольной вазе, расписанной диковинными рисунками в восточном стиле, стоявшей у стены и служившей украшением камина. Сосредоточившись, она выпрямила пальцы правой руки и ребром ладони легко ударила по боковой стенке вазы. Та вмиг рассыпалась на множество осколков. И мальчики с удивлением охнули, ведь прабабушка – как они узнали, бабушка их матушки – применила некое секретное мастерство, которое позволило ей таким легким движением разбить вдребезги очень прочную глиняную вазу. Проворно наклонившись, Велина откинула часть осколков и вытащила некий сверток из простой холстины. Она проследовала к столу и, положив его на стол, развязала тесьму и извлекла письмо.

– Так тайник батюшки все время был здесь, в кабинете Бориса? – удивился Сергей.

– Естественно. Ранее это был кабинет вашего батюшки. На самом видном месте. Лучшего тайника и не найти. Этот черт явно бы не стал искать у себя под носом. А ваза эта была с двойным дном. Вроде заглянешь в нее, а там пусто.

– Поразительно!

– Ну что, готовы услышать наказ вашего батюшки, милочки? – спросила она, усаживаясь в большое кресло у стола. Она быстро распечатала письмо и развернула его.

– Читайте! Прошу вас, бабушка! – не выдержал напряжения Никита.

– Хорошо.

– «Если вы читаете это, мои любимые сыновья, значит, зло побеждено и колдун и его темная шайка мертвы. Надеюсь только на то, что вы оба в здравии, как и моя дорогая Велина Александровна, ваш ангел-хранитель. Я сделал все, чтобы уберечь вас. Вы мои любимые сыновья, мое продолжение и моя гордость. Я передам в дар мои сокровища, которые велел отдать после достижения вами двенадцати лет, ибо теперь вы достаточно выросли, любимые мои, чтобы сделать решающий выбор, выбор вашей души и вашей судьбы.

Итак, вам надо решить, что вы хотите получить от этой жизни? Говорите, и я постараюсь даровать вам это. Это должно быть нечто невещественное, но важное для вас. То, что сделает вас по-настоящему счастливыми. Не думайте долго. Ведь первое, что придет в ваши мысли, и есть верный выбор вашей Души, долгие раздумья будут от разума и поведут вас по неверному жизненному пути. Итак?»

Велина Александровна прервалась и посмотрела на мальчиков, стоявших перед ней.

– Сереженька, первый ты.

– Я бы очень хотел любви, – не задумываясь, вымолвил Сергей, прекрасно поняв слова отца и то, что он хотел сказать. – Мне так не хватало ее все эти годы. Хорошо, что теперь у меня есть вы, мои родные, – он улыбнулся брату и бабушке. – Но мне хотелось бы, чтобы мое сердце было полно любви постоянно и получало любовь в ответ. Мне кажется, это единственная невещественная вещь, которая сделает меня счастливым.

В ответ на эти слова Никита как-то ехидно хмыкнул, думая о том, что у брата с рождения был и титул, и богатство, что он мог пожелать? А он, Никита, был вынужден вставать на заре и ходить на реку за уловом, а потом весь оставшийся день до ночи торговать на рынке у злого купца Тобянина, чтобы выручить хоть немного денег за рыбу и глиняные горшки. И какая такая любовь, если нечего есть? Нет, желание брата показалось Никите глупым и непонятным.

– Душевный ответ, Сереженька, – кивнула бабушка. – А ты, Никиша, что скажешь?

– И что, батюшка с того света сможет выполнить мою просьбу? – спросил мальчик.

– Не сомневайся, но, скорее всего, даст тебе в дар то, что приведет тебя к исполнению твоей мечты, – объяснила Велина. – Того, чего ты жаждешь больше всего в жизни.

– Я хочу власти, богатства, а главное, прославить свое имя в веках! Чтобы и спустя годы все знали, кто я такой. Как, например, Александр Македонский!

– Ого, братец, – воскликнул Сережа, округлив глаза.

– Тебе все равно не понять, Сергей, – буркнул Никита в ответ.

– Наверное...

– Я жажду, чтобы весь мир был у моих ног, и все знали, кто я и что я велик! – продолжал в эйфории Никита.

– Я поняла тебя, голубок, – печально улыбнулась старушка. – Что ж, вы сделали свой выбор. А я читаю далее завет вашего батюшки.

– «Я услышал вас, мои любимые. И вы удивитесь, но я знал, что каждый из вас выберет. Все-таки я немного чародей и еще при жизни умел видеть будущее. Итак, Сергей. Твой выбор меня очень радует. Любовь – это самая сильная и высшая энергия, которую только можно найти во Вселенной, и ты получишь ее, как и желаешь, ведь ты так долго был одинок и среди врагов. Я дарую ее тебе. Возьми этот перстень, носи все время при себе, и ты найдешь то, чего ищет твоя душа».

Велина Александровна осторожно сунула руку в холщовый мешочек и достала оттуда коробочку. В ней лежал перстень с прозрачным голубоватым камнем. Сергей приблизился к бабушке и взял у нее подарок. Камень был овальной формы, чуть приплюснутый и удивительно теплый. Мальчик поднес его к губам и благоговейно поцеловал, чувствуя светлую ласкающую энергию, которая исходила от камня в перстне. Велина же, взглянув бегло на Никиту, продолжила читать:

– «Теперь ты, мой любимый сын Никита. Долгое время ты жил вдали от нас. Но таково было мое решение и моя воля. Ты не должен обижаться и держать в своем сердце зла. Я старался тебе во благо, потому что безмерно люблю тебя. Ты хочешь славы и величия? Я понимаю тебя. И принимаю твое желание. Ибо свободная воля человека не может быть нарушена. Я дарю тебе эту вещицу – карманные часы. С ними ты непременно получишь желаемое. И всегда помни, что счастья можно достичь там, где совершенно не ожидаешь его найти, ведь часто разум заводит нас в темные дебри, которые закрывают от нас истинный путь, ведущий к Свету».

Велина достала из мешка небольшие выпуклые часы, потертые от времени и с немного облупившейся позолотой, и протянула их Никите. Тот нахмурился и как-то нехотя взял вещицу, не понимая, как могут неприглядные старые часы исполнить его желания.

– Не стоит смотреть на внешнее, смотри внутрь живого существа, в душу, – объяснила старушка.

– А при чем здесь часы? – не удержался Никита от вопроса.

– Именно они и помогут тебе осуществить твои желания, – ответила Велина.

Никита начал крутить часы в руках, чувствуя, что отец и бабушка обманывают его. Как эти обшарпанные карманные отцовские часы, стрелки которых, похоже, даже не ходят, могут даровать ему мировую славу? Их даже продавать-то было невыгодно.

Велина же вновь обратила свой взор на завещание их отца и прочла:

– «А сейчас я прощаюсь с вами, дорогие мои дети. Пусть каждый из вас обретет то, что ищет и чего истинно жаждет его Душа. Люблю вас безмерно».

Часть первая. Попаданка

Глава I. Выпускница

Больше всего в жизни она нуждалась в любви,
но именно любви то у нее и не было...

Россия, Екатеринбург,
2014 год, Июнь, 10

Чудесный наряд на школьный выпускной Надя купила только накануне. Золотистое платье с прямым приталенным силуэтом, с тонкими бретельками на плечах, с ажурной гипюровой вышивкой на груди и на ладонь выше колена досталось ей с большой скидкой. Туфельки, а точнее, босоножки у нее были еще с прошлого года, когда мама, получив очередную зарплату, купила их дочери на лето. Вообще, Надя никогда ничего не просила у матери, ведь та работала на двух работах, пытаясь прокормить их с младшим братом и еще выплачивать ипотеку.

Этим летом Наденька собиралась поступать в институт, а до осени где-нибудь поработать официанткой, как делала последние два лета. Все-таки к новому учебному году надобно было купить юбку и блузку, да и тетради стоили прилично. К тому же на зиму она очень хотела новый пуховик, но у матери на него не было денег.

Надя не переживала по этому поводу и решила летом заработать сама. Правда, некоторые ее одноклассницы носили норковые шубки, меняли вещи почти каждый день и хвастались новыми айфонами, но Надя не могла себе этого позволить. Два последних года она ходила в школу в единственной юбке и двух блузках, в стареньком пальто, а в морозы в заношенном пуховике. Однако девушка не чувствовала себя несчастной, нет. Ведь вещественное всегда казалось ей чем-то неважным. Все, что у нее было, мама покупала ей сама. Косметикой Надя не пользовалась, так как на нее тоже нужны были деньги.

Отец ее, ректор педагогического института, ушел из семьи два года назад, когда нашел себе молоденькую практикантку. После года тайной связи он без угрызений совести бросил свою жену и детей. И теперь они жили с мамой и младшим братом. Отец не считал нужным платить алименты и по договоренности выдавал матери Нади пять тысяч в месяц на содержание. Этих денег едва хватало, чтобы платить за Глеба, который ходил в частный детский сад, ибо в государственном не было мест.

Видя, как тяжело маме тянуть их с братом одной и как она устает, Надя полностью взяла на себя уборку по дому, походы в магазин за едой и готовку еды. Трехлетний Глеб также был на ней, ведь мама уходила на работу около шести утра, а возвращалась уже после девяти. И перед школой девушка отводила брата в детский сад, делая большой крюк, а потом бежала в школу, чтобы успеть к первому уроку. И Наденька считала свою жизнь вполне приемлемой. Единственное, чего ей не хватало от окружающих людей, – это любви. Мать любила ее по-своему: заботилась, кормила и даже узнавала, как у дочери дела. Но никогда девушка не видела от нее душевного тепла, ласки и искренней безграничной любви.

Наденька родилась в последний день декабря. В суровый морозный, солнечный день. Наверное, оттого детство рисовалось ей противоречивыми метаморфозами: от ярких солнечных сердечных переживаний и счастья до невозможно мрачных тяжелых дней, когда ей казалось, что никто ее не любит. Когда девочка была подростком, мать постоянно доводила ее до слез, обвиняя в непослушании и лени. От обиды Надя запиралась в туалете и плакала, счи-

тая себя гадким существом, которое отравляет всем жизнь. Только сильный всепрощающий характер девушки давал ей силы не сломаться и жить дальше.

В тот день с самого утра Надя пребывала в счастливой эйфории. Впереди ее ждал выпускной бал и целое лето. Правда, рабочее лето, но все же два месяца каникул. Еще одним поводом для радости был ее молодой человек. Месяц назад одноклассник Руслан предложил Наде встречаться. Наде он давно нравился, но она запрещала себе думать об этом осанистом, красивом и нагловатом парне с атлетическим телосложением, по которому вздыхали почти все одноклассницы. И когда в мае Руслан предложил ей отношения, Надя от радости даже не задумалась о том, что перед ней в течение года парень бросил трех других девушек. Она надеялась стать для него незаменимой и, конечно же, последней, ведь не мог же он не оценить ее душевных качеств, таких, как преданность и понимание, а также искренней любви к нему.

Сегодня она встречалась с Русланом у здания городской полиции в их укромном уголке за гаражами, чтобы вместе пойти в школу на выпускной. Молодой человек вызывал в сердце восемнадцатилетней Наденьки пламенные чувства, и она жаждала полюбить его и, возможно, в будущем выйти за него замуж.

Единственное, что омрачало ее думы, – это то, что в последние дни Руслан начал нервно реагировать на нее, постоянно цеплялся к словам, и она догадывалась отчего. Неделю назад она отказалась поехать с ним на дачу к другу, зная, для чего он ее туда зовет. Но девушка не хотела до свадьбы иметь близких отношений с мужчиной и именно это и озвучила Руслану. Это совсем не понравилось парню, и он съязвил о том, что глупо беречь себя для эфемерного мужа, тогда как он, Руслан, здесь, живой и жаждущий. Побоявшись, что он обидится на нее, девушка заметила, что через какое-то время, когда она привыкнет к нему и поймет, что он точно ее половинка, она решится. Но пока еще не готова к этому.

В чудесном настроении Надя, наряженная в новое платье, босоножки и с маленькой сумочкой через плечо вышла на улицу, наслаждаясь прекрасной погодой: теплой, солнечной и почти безветренной. Она радовалась тому, что сегодня, в свой выпускной, будет гулять по Платинке всю ночь с милым Русланом, как и многие другие выпускники.

Уже через полчаса, легким порхающим шагом девушка приблизилась к их укромному месту и, повернув за угол, резко остановилась. Перед ней предстала парочка, которая в этот момент страстно обнималась и целовалась. Округлив глаза, Надя прошла глазами по высокой фигуре парня в белой рубашке и модных брюках и по светленькой девушке с распущенными длинными волосами в ярко-красном невероятно коротком платьице.

– Руслан? – пролепетала, опешив, Надя.

Вмиг оторвавшись от губ светловолосой девушки, парень медленно опустил руки с ее талии. Невольно оглядев с ног до головы темноволосую изящную Надю в золотистом соблазнительном наряде, он кисло выдохнул:

– А, это ты...

Светловолосая девушка тоже обернулась и прищурилась. В этот момент Руслан чуть отодвинулся от нее, и Надя узнала Яну из параллельного класса.

– Что ей надо, Руслан? Ты же сказал, что вы уже расстались, – заявила с вызовом блондинка.

– Так и есть. Только она, видимо, непонятливая, – нагло соврал Руслан.

Надя вконец опешила. Нет, она совсем не была готова к такому, и эти поцелуи молодых людей, и сама эта блондинка Яна ну никак не укладывались в ее голове, разум не хотел принимать всего этого, тогда как минуту назад она была так счастлива.

Руслан чуть подтолкнул блондинку с ярко-красными губами и велел ей:

– Яночка, иди, подожди меня у крайнего гаража. Я быстро поговорю с этой и найду тебя.

– Так и быть, мой котик, – кивнула Яна и провела рукой по его груди. В следующий миг, вперив взор в Надю, она процедила: – Это мой мужчина! Только посмей его тронуть, поняла?

– Иди, иди, кисуля, я сейчас, – сладко проворковал парень.

Красавица, призывно виляя бедрами в обтягивающем красном платье, прошествовала мимо Нади и скрылась из виду. Руслан скрестил руки на груди и оперся спиной о железную стену гаража.

– Ты теперь с ней? – тихо вымолвила Надя, устремив на него влажные от слез глаза и наперед зная ответ.

– Ты же видела? Чего дурацкие вопросы задаешь?

– Прости.

– Яна – моя девушка, я – ее парень. И у нас все зашибись, ясно?

– Но как же я? – не удержалась она от вопроса. Надя понимала, что ей немедленно надо уйти, показать гордость и забыть об этом неверном парне. Но отчего-то ее сердце не хотело верить в эту жуткую реальность, она надеялась, что, может, у них с Русланом еще есть шанс. – Разве все, что было между нами, не в счет?

– А что было? Поцеловались пару раз и гуляли без толку. Ты слишком сложная и правильная, Надюха, я устал от тебя. Так что давай по-хорошему, разбежались и все. И не надо трепать мне нервы.

– Я и не хотела трепать, просто думала...

– Слушай, Надюха, давай пока, я все сказал, – перебил ее Руслан и направился вслед за Яной.

Сердце девушки болезненно сжалось, и она вновь ощутила боль, которая была ей знакома с детства. Мать тоже не любила ее, хотя Надя постоянно пыталась заслужить ее любовь. И теперь, видимо то же происходило с Русланом, в котором она не чаяла души. В голове Нади гудела только одна мысль: «Ты не заслуживаешь любви, с чего ты решила, что кто-то должен любить тебя, такую никчемную?».

Одноклассники считали ее белой вороной, ведь она вела себя не как все, могла иметь мнение, отличное от большинства, и вообще казалась «неудобным» человеком, который не подстраивается под толпу. Кроме красоты лица и стройности фигуры, Надя не могла приписать себе ни одного качества, которые в их время ценились в девушках. Она не была взбалмошной, наглой, знающей себе цену и сексапильной. Она всегда чувствовала себя чужой среди окружающих ее людей. Она более ценила книги, чем дискотеки, душевные разговоры с людьми, а не тусовки с попойками. И вообще, на прогулки с единственной подругой или с Русланом у нее почти не оставалось времени.

– Что во мне не так, Руслан? Скажи? – спросила она глухо ему вслед, когда он прошел мимо и уже почти свернул за гараж.

– Не так? Да все! Ты не от мира сего, – нервно выпалил парень, обернувшись и подтвердив все ее тяжелые думы. – Губы не красишь, пивасик не пьешь, в музыкалке какой-то училась, даже не материшься. Дискач не любишь, тебе бы все дома пироги стряпать. Девственница до восемнадцати лет! Это вообще дичь какая-то!

– Ты обиделся на меня за это? За то, что я не стала с тобой... – уточнила тихо девушка, ухватив самую суть. – Но пойми, мне надо привыкнуть к человеку, полюбить его, наверное. Не могу я так сразу... я говорила тебе...

– Не можешь – твои проблемы, а мне нужна нормальная девка, чтобы горячая была, а не девственница.

– Я поняла, прости, – пролепетала Надя, понимая, что против светловолосой страстной Яны без комплексов, в соблазнительном красном платье, ей точно не выстоять, – может, это и к лучшему...

Она отвернулась от него, понимая, что, наверное, Руслану никогда и не нравилась по-настоящему, не говоря уж о том, чтобы он мог любить ее. Вообще, говорить о любви в их циничный, развратный век было дурным тоном и большой глупостью. И, видимо, Яна оказа-

лась более сговорчивой. Как бы ни стало больно в этот минуту Наде, она была готова скорее отпустить Руслана, чем поступиться своими принципами. Однако ее последняя фраза отчего-то задела парня, и он процедил:

– Для мужа себя бережешь? Береги. В сороковник, может, кто и позарится.

– Почему в сороковник? – удивленно вымолвила она, вновь оборачиваясь к нему. – Я просто хотела, чтобы все было по любви...

– Вот и дура, ну и береги себя до гроба.

– Я... – она хотела возразить, но подумала, что не стоит объяснять ему то, что для нее светло и ценно, тогда как для Руслана это были лишь ее глупые выдумки и старомодные запреты.

Вновь отвернувшись от него, она ощутила, как комок подкатил к горлу. Через миг она услышала быстрые удаляющиеся шаги Руслана.

Это было время, когда мужчины не говорили о любви. Они боялись чувств и всячески вытравливали из себя все возвышенные и романтические порывы к женщине. Считалось, что мужчина, признавшийся в любви или влечении к девушке, слаб, глуп и примитивен. Уважение к женщине и восприятие ее как божественного существа, которое дает новую жизнь, потерялось у настоящего поколения. В этот век низменные чувства на уровне животных инстинктов, неразборчивость в связях и введшийся стереотип, что доступных женщин безумно много, взрастили огромное поколение циничных, бессердечных и озабоченных удовольствиями парней, которые не ценили чистоту и верность в девушках, а жаждали лишь доступности и глянцевого пластмассовой красоты.

Только спустя полчаса вдоволь наплакавшись в гаражах, Надя, чуть пошатываясь на каблучках, медленно направилась в сторону школы, ощущая, что еще долго рана от предательства Руслана, который стал ее первым парнем, будет напоминать о себе.

Последующие события того дня Наде показались хаотичными, шумными и гнетущими. Выпускной бал, поздравления, веселый гомон голосов, пиццерия, в которую они зашли с тремя одноклассницами, перед тем как пойти гулять в центр города, – все это не задевало душу Нади, и она делала все машинально, стараясь быть как все. Но сердце страдало, и она жаждала остаться наконец одна и наплакаться вдоволь.

Около восьми вечера они гуляли с подругами по набережной Исети, и в какой-то момент Марина предложила перейти на другую сторону реки, потому что там было устроено веселье с шариками и ведущими, которые горланили в микрофоны на всю округу. Когда девушки приблизились к перекрестку, чтобы перейти улицу, Надя оказалась чуть впереди от подруг, которые остановились у лотка с мороженым.

Оглядываясь на одноклассниц, она посматривала на красный глаз светофора, думая, что вот-вот загорится зеленый, и девушки не успеют. Придется ждать новый сигнал.

– Зеленый огонь, что ли? – раздался около Нади хрипловатый голос. И девушка невольно обернулась на сгорбленного старика, стоявшего справа от нее, среди других людей, ожидающих зеленого сигнала. Старик добавил: – Ничего не вижу, внученька, глаза совсем плохи стали.

– Нет, дедушка, – ответила Надя приветливо, отмечая неприятное морщинистое лицо старика, который опирался на длинную сухую палку и весь трясся. – Еще красный. Я скажу вам, как будет можно идти.

Старик был странным, лохматым и неопрятным, в заношенном балахоне, похожем на монашескую рясу, и непонятной меховой фуфайке. Довольно крупного телосложения, он очень сильно горбился, склоняясь почти вполовину. Вывернув неестественно шею, он как-то боком поднимал на нее лицо и сверлил неприятным взглядом.

– А может, сможешь мне перейти, внученька? – попросил он.

– Хорошо, помогу, – кивнула Надя, обернувшись на подружек и видя, что они еще покупают мороженое, решила перевести деда на другую сторону, а потом вернуться обратно.

– Могу я взяться за тебя, внученька? – прокряхтел старик.

– Конечно, дедушка, – улыбнулась девушка и подставила ему локоть.

Проворно ухватившись, старик сильно сжал ее своей морщинистой трясущейся рукой ее локоть. Девушка подумала, что для такого пожилого человека у него довольно сильные пальцы.

Загорелся зеленый свет, и Надя двинулась вперед, старик засеменил за нею, сильнее сгорбившись и тяжело опираясь на палку. Стараясь идти небыстро, чтобы за ней успевал дед, девушка отметила, как морщинистая ладонь старика как-то нечаянно переместилась на ее запястье.

Вдруг до слуха Нади донесся пронзительный птичий крик. Вмиг подняв голову, она удивленно увидела, как прямо на нее летит птица с широкими крыльями. Это был не голубь и не ворона. Птица с желтым закругленным клювом и рябыми перьями пролетела над ее головой, едва не задев волосы, и девушка даже чуть приклонила голову от испуга. Делая последние шаги по переходу, Надя невольно обернулась вслед птице, очень похожей на сокола или ястреба. Она не знала точно, так как плохо разбиралась в животных. Сделав большой круг в воздухе, как заметила девушка, птица устремилась обратно в их сторону. Не понимая, откуда в центре города лесная птица, Надя проворно переступила поребрик, отделяющий проезжую часть от тротуара, и обернулась к старику.

– Все, дедушка, перешли. Дальше вы сами, или как? – спросила она.

Медленно подняв голову, старик немного выпрямился, и Надя отметила его немигающий и какой-то стеклянный темный взор. Чувствуя, как ладонь старика яростно сжала ее запястье, а пальцы просто впились в кожу, она ощутила, как голова закружилась. Снова раздался крик птицы. Надя успела только поднять голову и увидела, как сокол или ястреб вновь летит к ним. Через секунду птица оказалась совсем рядом и умело села на ее плечо, а в глазах девушки мгновенно потемнело. Голова ее закружилась сильнее, и через секунду она потеряла сознание, оседая на землю.

– Ой, внученька! Ты что? Что с тобой? – закричал показно-испуганно старик, пытаясь придержать падающую девушку с закрытыми глазами. Его руки казались немощными, но он все же крепко держал Надю, не давая ей упасть.

– Вам помочь, дедуля? – послышался рядом голос молодого парня.

Старик резко обернулся к молодому человеку и пронзил его колючим взором темных глаз, словно предупреждая, чтобы тот не вмешивался. В следующий миг сокол вновь громко закричал, захлопав крыльями, прыгнул вверх и уселся на плечо старика, привычно вцепившись в его плоть лапами...

Надя очнулась внезапно. Сознание вернулось с шумом в ушах. Распахнув глаза, она уставилась непонимающим взором на серую стену в трех метрах от нее. Чуть помотав головой, она отметила, что вокруг темно, и она находится в каком-то коридоре или длинной комнате. Вокруг, кроме серых каменных стен, не было ничего и никого, только полоса света пробивалась откуда-то сбоку, разгоняя мрак, окружавший ее. Воняло сыростью, а стены были выложены из необтесанного камня. Надя сидела прямо на полу, ощущая под руками ледяные камни.

Она не понимала, где она и как здесь очутилась. Последнее ее воспоминание было о неприятном старике и о странной птице. Уже окончательно придя в сознание, она подумала, что надо, наверное, найти кого-то из людей и вообще понять, где она находится. Возможно, с ней случилось нечто скверное, раз она оказалась в этом жутковатом месте, тогда как должна была находиться в центре города с одноклассницами.

Надя попыталась встать, но это удалось только с третьей попытки, она выпрямилась, пошатываясь на невысоких каблучках босоножек. Голова все еще кружилась, и девушка мед-

ленно поковыляла к дверному проему, откуда лился свет. Уже через минуту она увидела ступени, ведущие вверх, и устремилась по ним как можно быстрее, ощущая дурноту и слабость во всем теле.

Когда она вышла наружу, невольно остановилась, созерцая картину, представшую перед ее глазами. Ее окружал густой лес, место было незнакомое. Она огляделась по сторонам и отметила, что только что выбралась из подвала какого-то небольшого полуразрушенного дома, у которого окна были заколочены ставнями, как в деревне. Дом, казавшийся заброшенным, стоял прямо посреди соснового леса, и людей поблизости не наблюдалось.

Испуг и паника вмиг охватили девушку, и ей подумалось, что кто-то хотел ее убить и приволок в это место, а может, ее... Она опустила взор на платье и начала лихорадочно ощупывать себя руками. Платье оказалось целым, да и вроде бы телесных повреждений и синяков на ней не наблюдалось. Это было уже хоть что-то утешительное. Ее внутренний голос стал настойчиво твердить, что надо немедленно бежать отсюда, пока не вернулись те, кто сюда ее привез или притащил.

Вновь оглядевшись, она увидела, что солнца не видно за серыми тучами. Не раздумывая более ни минуты, Надя ринулась бегом вперед, думая о том, как бы поскорее выйти из этого неприветливого леса и повстречать хоть кого-нибудь из людей. Ее голова все еще кружилась, и уже спустя четверть часа, задохнувшись и ощущая, что силы истекают с каждой минутой, девушка осела на траву, задыхаясь и привалившись к стволу дерева, вновь потеряла сознание...

Глава II. Незнакомка

Судьба играет с нами в странные игры...
посылая на нашем жизненном пути то,
что в кратчайшие сроки может привести нас
к счастью, а нашу Душу к спасению...

Российская империя, Воронеж, 1860 год
пригородная дорога

Перепахавшись в грязи, Сергей наконец выбрался из перелеска. Оглядываясь назад, он еще раз осмотрел все вокруг, но, как и полчаса назад, не увидел ничего подозрительного. Этот проклятый колдун растворился в утреннем тумане, как черт в ночи. Уже выбравшись на дорогу и немного обтерев о траву короткие грязные сапоги из дорогой кожи, молодой человек проворно зашагал в сторону пролётки, которая ожидала его неподалеку.

Кучер Ефим, сидя на козлах, терпеливо дожидался его уже несколько часов. Едва услышав шаги, мужик обернулся и услужливо поинтересовался:

– Все хорошо, ваше сиятельство?

Сергей нахмурился сильнее и отрицательно покачал головой.

– Домой поехали, – велел Чернышев, запрыгивая на подножку открытой коляски.

Ефимий стегнул запряженную пару, и рысаки резво понесли по пустынной проселочной дороге. Туман потихоньку рассеялся. День предстоял ясный, оттого крыша легкой пролётки была спущена. Сергей напряженным взором осматривал пробегающие мимо деревья и кустарники, надеясь на удачу и желая увидеть силуэт человека, но кругом было пустынно. Он прикрыл глаза, так было легче вспоминать образы. В голове он начал методично прокручивать все то, что видел за последние два часа, пытаясь все же найти хоть какую-то зацепку и понять, где искать этого проклятого колдуна, который уже третий раз уходил от его возмездия.

Рысаки не проскакали и версты, как вдруг Ефим дико вскрикнул:

– Куда! Твою ж... – услышал Сергей нецензурную брань мужика и едва не слетел с сиденья, так как кучер резко осадил лошадей, остановив коляску.

Невольно открыв глаза, Чернышев отметил, как кучер стремительно слез с козел и поспешил к лошадям.

– Ефимий, что там? – выглянул из коляски молодой человек, привстав.

– Девица прямо под лошадь угодила, барин! – через плечо крикнул Ефим, склоняясь к дороге.

– Как? – опешил Сергей и вмиг спрыгнул с подножки, устремившись к кучеру.

Действительно, на пыльной дороге лежала девушка, причем очень странно одетая: в узком полупрозрачном палевом платье или скорее нижней сорочке, которая едва прикрывала колени. Темные волосы ее, длинные и густые, рассыпались по грязной дороге. Закрытые глаза и недвижимая поза указывали на то, что девица мертва или потеряла сознание.

– Как кошка дикая прямо из леса выскочила и под копыта бросилась! Я не увидел ее совсем, – разорвался Ефимий Иванович, несчастно глядя на незнакомку. – Доктора бы надо, наверное, Сергей Михайлович?

– Погоди, – отмахнулся от него молодой человек.

Присев на корточки над девушкой, Сергей отметил на ее виске большую кровавую ссадину-синяк. Явно лошадь или оглобля ударила ее по голове. Ее лицо справа было сильно испачкано в грязи. Он немедленно протянул руку к шее девушки, чтобы нащупать пульс и понять, что с ней, но ладонь замерла, не коснувшись кожи. Лицо девушки было невероятно знакомо.

Миловидное, бледное, с небольшими губами, оно вызвало невольный возглас у молодого человека. Но, тут же придя в себя, Сергей все же приложил руку к ее шее и прощупал, уловив довольно хороший пульс. Она просто была без сознания.

Тоже склонившись над девушкой, Ефим невольно воскликнул:

– Господи, как похожа на Лидию Ивановну! Прямо...

Слуга замялся, ибо молодой человек мгновенно вскинул глаза на кучера и пронзил его диким пораженным взглядом.

– Сам вижу... – лишь только прошептал Чернышев и вновь обратил взор на девушку. Она так и была без сознания. Но сходство с его покойной женой было совершенно поразительным, отметил Сергей.

Он быстро стянул с плеч плащ и завернул в него девушку, пытаясь скрыть невозможную наготу ее ног от посторонних глаз. Очень бережно он поднял ее на руки, стараясь осторожно прижимать ее к себе, чтобы не нанести еще большие увечья. Быстро направившись к коляске, он взобрался на подножку, чуть выше приподнимая девушку, чтобы ее распушенные темные волосы не задела бока экипажа.

– Домой гони. Я сам ее осмотрю, – велел Сергей, обернувшись к кучеру.

– Сергей Михайлович, вы что же, ее домой намерены забрать? – опешил Ефим, умело запрыгнув на козлы впереди. – А вдруг она воровка или попрошайка какая-нибудь? Вид у нее уж больно дурной.

– Ефимий, ну что ты говоришь, в самом деле? – ответил, вздохнув, Сергей, быстро опустившись на мягкое кожаное сиденье. Осторожно положив девушку к себе на колени, он так и удерживал ее плечи в своих руках, чтобы голова была чуть выше. – Неужто ее здесь оставим? Мы ведь виноваты во всем. Надо помочь. Домой говорю, гони, голубчик!

– Слушаюсь, барин, – слуга понятиливо кивнул и натянул поводья, зная, что хозяин его уж больно сердобольный человек, который постоянно так и жаждал кому-нибудь помочь. К тому же Чернышев, хоть и был потомственным графом, но учился в медицинских институтах в столице и слыл искусным доктором, хотя и не вел постоянную практику.

Воронежская губерния,
усадьба Михайлово

– Велена Александровна изволили прилечь, барин, – объявил с порога Илларион, распахивая шире дверь и оглядывая незнакомую девицу на руках Чернышева. Однако слуга не сказал ни слова более, зная, что не его дело вмешиваться в то, что делал граф.

– Чудно! – ответил приветливо Сергей и, торопливо войдя в парадную, через плечо приказал дворецкому: – Илларион, вели принести в мою спальню чистой воды и полотенец.

– Будет исполнено, Сергей Михайлович, – кивнул слуга.

Уже направившись к лестнице, молодой человек, словно что-то вспомнив, велел:

– Голубчик, и воду, будь добр, теплую сделай. А то девица вся в грязи, обмыть ее надобно.

Войдя в спальню, Сергей положил бессознательную девушку на свою постель, на покрывало. Распахнув плащ, он осторожно снял с нее непонятную короткую шелковистую гипюровую рубашку, чуть порванную внизу. Его взор непроизвольно описал круг по ее телу и остановился на нижнем белье, которое было на ней. Округлый мягкий лиф, едва прикрывающий грудь, и тонкие тканевые полоски на бедрах вызвали у него удивление. Никогда он не видел ничего подобного.

Понимая, что забылся, Чернышев мотнул головой и быстро сосредоточился. Он начал осматривать незнакомку, проводя руками по контурам ее тела, но не прикасаясь. Уже через пару минут он облегченно выдохнул. С девушкой все вроде было хорошо, только синяк темнел

на ее бедре, расплывшись некрасивым сиреневым пятном по коже, и небольшая рана на виске немного кровоточила.

В этот миг в спальню вошел Илларион.

– Вот, барин, и водица, – заявил с порога слуга, ставя чистое ведро с теплой водой на пол у небольшого столика с кувшином и тазиком. Илларион остался стоять у стола и, заглядывая за широкое плечо Чернышева, пытался лучше разглядеть обнаженное тело девушки, совсем не торопясь уйти.

– Я все вижу, Илларион, – произнес, не поворачивая головы, Сергей. – Прекрати глазеть на нее и лучше попроси у Велины Александровны чистую сорочку. Только так, чтобы она не поняла для чего. Покамест я не решу, что делать с этой девицей.

– Слушаюсь, барин, – кивнул Илларион и быстро вышел прочь из спальни.

Спустя полчаса, отмыв девушку от пыли, крови и грязи, Сергей осторожно вытер ее полотенцами и надел на нее принесенную слугой рубашку бабушки, которая оказалась ей по колено. Велина Александровна имела маленький рост, а девушка, видимо, была выше нее.

Незнакомка так и не приходила в себя, и молодой человек, оставив ее лежать на своей кровати, бережно накрыл пледом. Стоя подле нее, Чернышев долго мучительно рассматривал знакомое бледное недвижимое лицо. И не мог понять, отчего незнакомка так невозможно и даже жутко похожа на покойную Лидочку.

Черты лица девушки были точной копией лица его пропавшей обожаемой жены Лиды и имели лишь немногие отличия. Незнакомка обладала более полными губами, чуть более высоким лбом и ямочками на щеках. Так же цвет волос был иным. У Лидии русые пряди имели каштановый отлив, как и брови, и ресницы. У девушки же густой поток волос был темно-русый, насыщенного темно-шоколадного оттенка. Брови же и ресницы незнакомки показались молодому человеку почти черными. Взор Сергея спустился ниже, на ее шею и плечи. Теперь она была покрыта пледом, но он очень хорошо запомнил изящное нежное тело с белой кожей.

Внезапно ощутив, что девушка уже в сознании, он посмотрел на ее лицо. Тут же его заинтересованный взор уперся в блестящие глаза, которые имели светлый ореховый цвет. Взгляд незнакомки совсем не походил на обычный покорно-нежный серый взор Лидии. Взор девушки лучился чувственной силой и неким вызовом. Следующая мысль, промелькнувшая в голове у Чернышева, была о том, что незнакомка уж больно долго в упор смотрит ему в глаза и совершенно не смущается, хотя должна была опустить взор еще минуту назад, как это обычно делали все женщины его окружения. Смутился как раз Сергей и, чуть опустив глаза, выпрямился.

– Что со мной? – произнесла хрипло она.

– Мой кучер ненароком сшиб вас лошадь, – ответил тихо молодой человек, вновь уперев изучающий взор в лицо незнакомки. Она молчала и, не отрываясь, смотрела на него и только моргала, словно пытаясь понять смысл слов. Видя непонимание, написанное на ее приятном лице, он пояснил: – Вы выбежали из леса, Ефим не увидал вас и едва не задавил. Вы потеряли сознание.

– Вы сбили меня? – наконец сказала она.

– Да.

– Вроде я не видела машины.

– О чем вы? – спросил глухо он и сделал пару шагов от кровати, чтобы не смущать девушку своей близостью.

– Хотя да, я блуждала по лесу, потом дорога... и правда шум! Ах да! Я вспомнила! Позади раздалось ржание лошади, и потом копыта... – она нахмурилась.

– Верно, лошадь сбила вас с ног, и вы упали, – помог ей Сергей.

– Странно... – промямлила она и начала осматривать комнату, где находилась сама и все ее убранство. Уже спустя минуту она вновь посмотрела на молодого человека. Он выглядел необычно, в каком-то старомодном костюме, в накрахмаленной рубашке со стоячим воротничком.

ком. Лицо его, молодое и приятное, с живыми голубыми глазами, выражало крайнюю заинтересованность и желание помочь. Темно-русовая короткая борода и усы, умело остриженные, видимо, хорошим парикмахером, явно шли ему. Но теперь многие мужчины носили бороду, небритость была в моде, оттого это вовсе не удивило девушку. Лишь его густые русые волосы, сильно прилизанные на один бок, не понравились ей. Она попыталась сесть на кровати, но тут же схватилась руками за голову, которая наполнилась тысячей болей, и со стоном выдохнула. – Ой...

Сморщившись, она упала обратно на подушку, а молодой человек вновь склонился над ней.

– Вам надобно все же полежать, голубушка. У вас сотрясение головы и вам вредны резкие движения, – объяснил он.

Она обратила на него внимательный взор и промямлила:

– Говорите, как будто вы врач, – она вновь перевела глаза на высокий потолок с расписным плафоном, где были изображены ангелы, играющие с нимфами. – Где я?

– У меня дома. Простите, но вы были без сознания, и я был вынужден привезти вас в свою усадьбу. Как ваше имя?

– Надя, – просто ответила девушка, поморщившись, чувствуя, что ее сильно тошнит, и отмечая, что обстановка комнаты уж больно вычурная и дорогая, будто дизайнер пытался воспроизвести времена двухсотлетней давности.

– Надя, а далее?

– Зачем вам? – удивилась она, но все же ответила: – Надежда Литвинова. Вы знаете, что-то мне нехорошо и сильно мутит. Вы могли бы вызвать врача, чтобы он осмотрел меня?

– Врача?

– У меня кружится голова. И живот крутит. Наверняка у меня внутреннее кровотечение, вы же сбили меня машиной.

– Нет у вас кровотечений, – сказал со знанием дела Сергей, прекрасно помня, как прощупал энергией все ее внутренние органы четверть часа назад. – И что за машина? Вы уже второй раз говорите о ней.

– Автомобиль!

– А! Что-то слышал о разработках автомобилей, они ведутся в Европе. Эта открытая карета, которая может двигаться сама, только уголь надобен.

Она с подозрением взглянула на него, понимая, что молодой человек говорит какую-то глупость, да и выглядит он как-то странно. Надя все более хмурилась, глядя на него.

– Лучше, наверное, скорую вызвать, так быстрее будет. Мне необходимо в больницу, чтобы меня осмотрели, – настаивала она.

– Скорую? Я не понимаю, о чем вы говорите, дорогая.

– Машину, на которой приезжает врач, чтобы отвезти в больницу.

– Но больница в округе лишь уездная. Там много холерных теперь, все же эпидемия едва на спад пошла. Вы намерены ехать в эту больницу? – удивился он.

– Конечно. Мне надо сделать рентген головы. Может, у меня сотрясения какие-то? Или травмы, кровоизлияния в мозг.

– Я немного не понял, что вы хотите, сударыня, – тихо заметил Сергей, не спуская с ее ореховых очей трепетного взора. Надя нервно поджала губки, также не понимая, что происходит. – Но я уже сказал, что осмотрел вас. У вас нет никаких кровотечений и кровоизлияний в голове.

– Вы врач?

– Доктор медицины, есть у меня диплом, однако практики маловато. Заверяю вас, все внутренние органы у вас целы и не повреждены, а голова перестанет болеть через пару часов, уж поверьте, – он чуть отодвинулся от кровати и положил руки на спинку стула, который стоял

рядом. Улыбнувшись, он добавил: – Вы можете пока побыть в моем доме, как только вам станет легче, сможете уйти.

– О, спасибо, вам, – ответила она, выдавив из себя дежурную улыбку.

– Вам не за что меня благодарить, это мой долг, Надежда... – он замялся, не зная ее имени полностью. Ведь приличия требовали, чтобы он обращался к ней по имени отчеству. – Простите, как вас по батюшке?

– Дмитриевна...

– Надежда Дмитриевна, – произнес он как-то певуче, и улыбка его стала шире, как будто хотел понравиться ей. – Какое звучное имя... и вы сами очень... – он замялся, ибо взгляд Нади пригвоздил его негодованием к месту. Чернышев понял, что сказал лишнее и чересчур явно попытался выказать свою заинтересованность, именно недовольство отразилось во взгляде девушки.

– Зачем вы заигрываете со мной? – выпалила она нервно и вперила в него удивленный взор. Она не понимала его слишком радушного поведения и улыбок, которые преображали его лицо, делая его невероятно привлекательным. – Вы, наверное, надеетесь, что я растаю от ваших улыбок и не буду заявлять в полицию о том, что вы сбили меня машиной?

– Эта была лошадь, Надежда Дмитриевна. Лошадь, запряженная в коляску.

– Хорошо, пусть вашей лошастью! И вообще, зачем вы перемещались по дороге на карете? Ехали на свадьбу?

– На свадьбу? – опешил Сергей. – Никак нет.

– Зачем же тогда вы разъезжали на карете?

– Но так все ездят. Разве нет? Или я чего-то опять не понимаю из ваших странных речей?

– Я тоже нифига не понимаю из ваших речей! – возмутилась она.

После ее возмущенного возгласа он так пораженно взглянул, что девушка вмиг покраснела и прошептала:

– Простите.

Все же он казался довольно милым и безобидным молодым человеком, но не мягкотелым или каким-то простофилей. Совсем наоборот, в его уверенной позе, твердом взгляде читалось благородство, мужественность и какая-то потаенная добрая сила.

После ее извинения он внимательно, изучающе посмотрел и задал другой вопрос:

– Вы крепостная?

– Кто?

– Крепостная. У вас есть хозяин? Куда вас надо будет отвезти?

– Вы вообще о чем? Это такая шутка? – опешила Надя, думая, что ей послышались его слова. Она решила, что ее голова еще не пришла в норму, оттого она не понимала верного смысла слов. Чуть прикрыв глаза, девушка попыталась сосредоточиться, но сильная боль пронзила висок. Она вновь посмотрела на него и промямлила: – Шутка, скажу я вам, так себе.

– Вы не поняли меня, – объяснил Сергей, видя, что девушка раздосадована. Он уже отметил, что она явно была не из робкого десятка и обладала гораздо более живым и искренним нравом, чем его покойная жена. Но это нисколько не пугало его. – Я имел в виду...

– Где я живу? – наконец поняла она. – Но это неважно. Я сама доберусь, едва приду в себя. Надеюсь, к вечеру мне будет лучше, а то завтра на собеседование в институт идти.

– В институт? – удивился Сергей. Конечно, в Российской империи существовало довольно много институтов, но девушки туда не принимались. Единственным высшим учебным заведением для женщин был институт благородных девиц в Петербурге, видимо, о нем она и говорила.

– Да. Собираюсь по осени поступать в институт, на исторический.

– Так вы дворянка! Я, знаете ли, рад этому. – Он вновь улыбнулся ей по-доброму, она смотрела на него открытым взором своих притягательных ореховых глаз. – Потому что мне вовсе не по душе объясняться с вашим барином, если бы он был у вас.

Она молча смотрела на него, думая о том, что голова явно мешает ей понять, о чем он говорит, а говорит он всякую дребедень.

– Хотя, скорее всего, мне придется побеседовать с вашим батюшкой.

– Моему отцу нет до меня дела. Вряд ли вам надо будет ему что-то объяснять.

– Как скажете, – кивнул он. – Но все же, ежели позволите, я бы хотел узнать, что с вами приключилось? И отчего вы были в лесу одна и совсем раздеты?

– Я и сама не помню, – пожалала она плечами и ощутила, что голова перестала гудеть и кружиться, ей стало гораздо лучше. Она медленно приподнялась на локтях и покрутила головой в стороны. – Последнее, что я помню, – как вышла с девочками из кафешки, а потом эта птица... – она чуть поморщилась, вспоминая. – И непонятно как очнулась в лесу, а затем побежала на дорогу, и тут вы со своей лошастью.

– Странно.

Она вновь осмотрелась по сторонам. Вычурный интерьер спальни казался слишком дорогим и помпезным, к тому же комната была не менее тридцати метров. Явно дорогой коттедж. Она перевела взор на молодого человека. А он наверняка избалованный мажор со странно-стями. Но она понимала, что ей, простой девушке, не место здесь. Ведь такие, как он, смотрят лишь на грудастых моделей, желающих угождать, или на дочерей богатых родителей. Да, он искренне улыбался и пытался помочь, но Надя знала этот мир, и чудес в нем не происходило. Ее вообще удивлял тот факт, что он привез ее к себе в дом, а не просто вызвал скорую на дороге. Хотя она еще с первого момента отметила его добрый взор, скорее всего, молодой человек был попросту хорошо воспитан, несмотря на то что родился богатым сыном.

– Как вас зовут? – спросила она, невольно проводя взором по его подтянутой широкоплечей фигуре чуть выше среднего роста. Очевидно, он вел здоровый образ жизни, ходил в спортзал и ел всякие экологически чистые продукты, как это было теперь модно у богатых.

– Простите, сударыня, я забыл представиться. Граф Сергей Михайлович Чернышев, военный медик в отставке. Сейчас занимаюсь обустройством детской больницы для крестьян. Хотя по душе мне более фенология и астрономия, – вежливо ответил молодой человек.

– Граф? – удивилась Надя, но тут же подумала, что у богатых свои причуды. В одном из фильмов она видела, как некий богач покупал себе фамилию Шереметьев, чтобы выглядеть значимее. Номера машин покупались уже не один десяток лет, так отчего же он не мог купить себе какой-то там старинный титул, которым пользовались при царе? Оттого девушка только нахмурилась и буркнула: – Впрочем, мне все равно, граф вы или депутат.

С тех пор как тринадцать лет назад братья Чернышевы воссоединились, они жили в фамильном особняке вместе со своей прабабушкой Велиной. Молодые люди получили блестящее образование, Сергей отучился на военного медика, а Никита – на физика.

От родителей им досталось довольно приличное наследство. Поэтому они могли делать то, что пожелает их душа. Теперь Никита с усердием занимался разведением рысаков орловской породы на их конном заводе, и это дело было весьма прибыльным, а Сергей, хотя и имел диплом врача, не практиковал по специальности, несмотря на модность и востребованность профессии. Его душа более лежала к фенологии, астрономии и истории, к тому же он слыл самым известным в Воронежской губернии филантропом, ибо постоянно приносил в жизнь горожан и селян новые дары в виде больниц, школ и других богоугодных заведений. Это доставляло душе Сергея ни с чем не сравнимое счастье и радость. Лишь одно обстоятельство омрачало его нынешнюю жизнь. Год назад он потерял свою любимую обожаемую жену Лидочку, которая пропала странным образом при невыясненных обстоятельствах.

– Могу я осведомиться, где вы живете, на какой улице? – спросил Сергей и вновь улыбнулся девушке.

Его улыбка уже стала ей отчего-то нравиться, и Надя занервничала. Нет, не может ей нравиться этот богатенький мажор, по виду которому было не более двадцати пяти, с этим добрым проникновенным взором голубых глаз и непонятными речами.

– Вряд ли вам это интересно, – тихо ответила она, думая, что он спрашивает только из вежливости. Она не верила, что ему действительно интересно, где живет она, обычная девушка, ведь у нее не было даже намека на идеальную внешность.

Мало того, Надя стеснялась себя. Однако в душе она считала себя уникальной, по-своему красивой и отличной от других людей. Но окружающие так не думали. У нее были пухлые бедра сорок шестого размера и круглое лицо, небольшая грудь и средний рост. Да, она имела изящные ноги, узкую талию и большие светло-карие глаза, но это не казалось кому-то привлекательным. Оттого она явно не подходила под стройный сексапильный идеал красоты, который подразумевал изящную фигуру с выпуклой грудью, вытянутое лицо и модельный рост не ниже ста восьмидесяти сантиметров. Именно это постоянно твердили ее подружки и их парни.

Глава

III

. Газета

Через пару минут Надя, отмечая, что боли больше нет, медленно села на постели и чуть помотала головой.

– Вам лучше, сударыня? – спросил он участливо.

– Да, – кивнула она, ей действительно стало лучше.

Навязчивая мысль закружила в голове Нади о том, что надо поскорее покинуть этот дом, где ей точно было не место. К тому же она недолюбливала богачей и мажоров, было в их поведении что-то неискреннее, напускное и лживое, когда они пытались или делали благие поступки, как будто они боги, которые раздают милостыню беднякам. Она более понимала их, когда они вели себя высокомерно и нагло. А такие, как этот Сергей, были непонятны ей. К тому же он говорил о непонятных вещах и изъяснялся старинными словами.

Она откинула плед и спустила ноги с кровати. На ней была рубашка, которая задралась, и перед взором молодого человека тут же предстали ее обнаженные до бедер ноги. Чернышев невольно уставился на прелестные стройные икры девушки и на верх пухлых соблазнительных бедер и вмиг смутился, покраснев. Его взор словно прилип к ее прелестям. Надя же, видя его странное замешательство, возмутилась:

– Ну и что вы глазете на мои ноги?

– Ох, простите! – воскликнул Сергей, опомнившись, и стремительно отвернулся. – Вы могли бы прикрыться? Это не совсем удобно.

– Такое впечатление, что вы никогда не видели женских ног, – сказала она, искренне не понимая его смущения. Ведь ее ноги были обнажены лишь до бедер. Отметив, что на ней чужая рубашка и что молодой человек так и остался стоять к ней спиной, Надя вздохнула и прикрыла ноги пледом. – Поворачивайтесь.

Он повернулся, и она насмешливо улыбнулась.

– Еще скажите, что ни разу не видели девушек в мини-юбках, которые едва прикрывают ягодицы.

– В каких юбках? – спросил он.

– А на пляже женщин в бикини вы тоже просите прикрыться? – решила пошутить она.

– Извините, но я не знаю, что такое бикини.

– Вы смеетесь надо мной? – уже вспыхнула она, хлопнув кулачком по постели.

– Простите, Надежда Дмитриевна, я и не думал этого делать, – серьезно ответил он.

Она долго пронзительно смотрела на него. А потом шумно вздохнула и устало заметила:

– А впрочем, мне нет дела до ваших непонятных речей. Но вы все же странный человек.

– Отчего же?

– Живете и говорите будто заигрались в каком-то театре времен Екатерины Великой. Однако мне все равно. Я вижу, Сергей, что вы чувствуете свою вину в происшествии со мной. И обещаю, что не буду подавать заявление в полицию. Мне пора. Я и так у вас пробыла неизвестно сколько. Куда вы дели мою одежду?

– Эту? – уточнил граф и указал на бархатный стул, где на спинке висело ее палевое платье.

– Угу, – кивнула Надя и поднялась на ноги. Ее голые ступни вмиг утонули в мягком ковре. Голова почти не кружилась, и она приблизилась к платью, спросив: – А мою сумочку вы, случайно, не находили?

– Сумочку, нет. Когда мы нашли вас на дороге, при вас ничего не было.

– Плохо, там телефон и карточка проездная, – промямлила она, пытаясь припомнить тот момент, когда выбежала из леса, и то, что делала до этого. Но помнила только одно. Как вышла из кафешки с подругами, перевела деда через дорогу и далее уже очнулась в лесу. Обращаясь к самой себе, девушка хмуро добавила: – Неужели посеяла ее? Вот ворона.

– Не стоит себя ругать, – по-доброму успокоил он. – С кем не бывает.

– Нет, со мной такого точно не бывает. Потому как я всегда помню, что и где делаю, – она помолчала и, хмурясь, сказала: – Вернее, помнила до сегодняшнего дня. И сумочку я в жизни не теряла.

– Мне очень жаль, Надежда Дмитриевна.

– Вы-то тут при чем? – ответила она, взяв в руки платье. Повернув лицо к молодому человеку, девушка насмешливо велела: – Отворачивайтесь, а то я вас опять засмущаю.

– Да, да, конечно, – согласился он и вновь отвернулся.

Кося на него взглядом, Надя проворно сняла с себя чужую рубашку и быстро натянула платье. Тут же стояли ее босоножки на низком каблуке. Торопливо засунув в них ноги, она попросила:

– Скажите, пожалуйста, сколько времени, а то я без телефона как без рук.

– Половина третьего пополудни, – ответил Сергей, быстро вытащив карманные серебряные часы, раскрыв крышку и взглянув на циферблат.

– Как это? Мы вышли из пиццерии около восьми вечера. Я что же, у вас всю ночь пробыла?

– Нет, около полудня я привез вас сюда.

– И где же я была? В лесу, что ли? Ужас, ничего не помню. Точно ударилась головой как следует. Ладно, – отмахнулась она, нахмурившись и осматривая себя. – Все, я готова. Можете повернуться.

Послушавшись, он прошелся по девушке взглядом. Ее наряд показался ему, как и на дороге, невозможным, вульгарным и похожим на соблазнительную нижнюю сорочку. Взгляд Чернышева невольно пробежался по тонкой талии, высокой девственной груди и сильно округлым бедрам. Одевание без корсета и нижних юбок сильно обтягивало совершенные соблазнительные линии фигуры девушки. Оно доходило до колен, открывая обнаженные ноги. А ее туфли, похожие на сандалии гречанок, опоясывали изящные ступни.

Отметив красноречивый восхищенный взгляд молодого мажора, как она окрестила его в своем сердце, Надя решила немедленно уйти из этого дома. Ибо взор Сергея, наполненный нескрываемым вождением, ей совсем не нравился.

– От вашего дома в какую сторону ближайшая остановка? А то мне не очень хочется долго идти, – спросила она, обходя его и направляясь к двери.

– Вы пойдете на люди в таком наряде? – выдохнул он.

– Пойду, а что такого? – удивилась она, не понимая странного взгляда, которым он описывал круги по ее фигуре.

– Прямо по улице в неглиже?

– Ну да, в этом платье я и была, – ответила она нервно, не понимая, к чему он клонит.

– Но это совершенно неприлично! Это не платье, а какая-то нижняя сорочка! – воскликнул он взволнованно. – Она вульгарно вас обтягивает и ничего не скрывает. Если позволите, я приглашу мадам Ломотье из дамского салона. Думаю, она сможет привезти вам подобающее платье с корсетом и нижними юбками.

Надя моргнула несколько раз и вымолвила:

– Не смешите меня своими приличиями. Мне уже вовсе не смешно.

Она направилась к выходу, но он быстро встал у нее на пути.

– Одумайтесь, – наставительно сказал он, даже не повысив голос. – Не ходят благовоспитанные девицы в таких вульгарных нарядах.

– Секундочку, Сергей Михайлович! – возмутилась она, пытаясь держать себя в руках. На миг ей в голову ударила боль, и она схватилась за висок. Но уже через минуту боль отступила, Надя недовольно посмотрела в его добрые глаза и твердо заявила: – Во-первых, мое платье вполне приличное. На вчерашнем выпускном на половине моих одноклассниц было надето в три раза меньше одежды. И простите, я не хочу ждать какую-то вашу мадам. Вы, возможно, привыкли сорить деньгами, как я прекрасно вижу, и жить в каком-то старом кино, но меня избавьте от этого. Я пойду в этом платье, нравится вам это или нет. А во-вторых... – она чуть замялась и уточнила: – А во-вторых, это не ваше дело, я так думаю.

– Вы правы, я не имею права вам указывать, – очень вежливо сказал он. – Но все же не могу отпустить вас в подобном наряде. Это выше моих сил.

– Что значит отпустить? Я все равно уйду, – добавила она и быстро обошла его.

– И что вы за упрямица такая? – всплеснул он руками, оборачиваясь.

Но у двери она резко остановилась, как будто о чем-то вспомнила.

– Ах да, я же потеряла свою сумочку. И у меня нет денег, – пробубнила она себе под нос и обернулась к молодому человеку, который так и не спускал с нее внимательных глаз, и вежливо попросила: – Вы не могли бы одолжить мне немного денег, чтобы доехать до больницы?

– Конечно, я одолжу вам. Но не понимаю, зачем вам в эту больницу? Там много холерных больных. Если не доверяете моему осмотру, давайте я привезу к вам другого доктора. Только не надобно вам ехать в больницу. Это опасно.

– И сколько это будет стоить? Нет уж, у меня нет денег, чтобы оплачивать частных докторов, к которым вы привыкли.

– Я и не прошу с вас денег.

– Нет, так не пойдет, не нужно мне ваших одолжений, – ответила она. – Просто дайте мне рублей семьсот и все. Я сама далее разберусь. Да и телефон свой напишите, я переведу вам потом эти деньги.

– Хорошо, – согласился он и сделал пару шагов в ней. – Но мне надо сначала вызвать сюда поверенного, чтобы он привез эту сумму. Придется обождать. Я не храню более пятисот рублей в имении.

Наденька опять непонимающе уставилась на него и решила, что он над ней издевается. Что, неужели семьсот рублей для него такие большие деньги? Да и еще, какой такой поверенный? В какой-то книжке, которую задавали прочесть по литературе в школе, она читала об этих поверенных. Но для чего они были нужны, не помнила.

Сейчас же у нее была ватная голова, и она ощущала себя как в каком-то дурном сне с этим широкоплечим незнакомцем, добрый обволакивающий взор которого уже начал смущать ее.

– Ладно, раз уж вы такой... – она замялась, побоявшись назвать его ненормальным. – Просто вызовите мне такси, и я договорюсь с ним в долг, поеду до дома и там отдам ему деньги.

– Такси?

– Да, такси! – уже нервно выпалила Надя, не понимая, отчего он такой непонятливый.

– Извините меня, Надежда Дмитриевна, но я опять не понимаю, о чем вы говорите.

– Блин! – выругалась девушка и тут же осеклась. – Простите, я не хотела. Но с вами так трудно. Дайте мне хотя бы телефон, я сама вызову.

Чернышев молчал и лишь как-то странно растерянно смотрел на девушку.

– Сотовый телефон, – тихо повторила она и устремила на него просящий взор. – Вы что же, не знаете, что это такое?

– Нет, – честно ответил он.

– Вы издеваетесь надо мной?! – воскликнула она ему прямо в лицо. – Хорошо! Я пойду пешком! И пусть вам будет очень стыдно!

Она нервно дернула головой и устремилась к двери.

– Надежда Дмитриевна, может, я могу одолжить вам свою коляску? – немедленно бросился он за ней. Она уже положила ладонь на ручку двери. И он, потянувшись туда же, невольно накрыл пальцы девушки своей широкой ладонью. Они оказались в опасной близости друг от друга, и Надя подняла глаза. Его горящий пронизывающий взор смутил ее.

Сергея обдало жаром по всему телу, едва он прикоснулся к ее нежной руке.

Инстинктивно всем своим существом почувствовав его желание, она отпрянула от Чернышева.

– Пустите! – нервно выпалила она, выдернув ладонь из-под его руки.

В этот момент дверь спальни широко распахнулась, и в проеме появился лакей в парадной темной ливрее.

– Газеты и кофе, ваше сиятельство! – отчеканил он, и молодые люди невольно отпрянули от двери, давая пройти слуге с подносом.

Надя неосознанно прошла взором по усатому лакею, который со своим облачением и видом будто сошел со старинной картины. И ее взор остановился на газете, лежащей на вычурном серебряном подносе. Серая неприглядная бумага и непривычные глазу витиеватые очертания букв отчаянно не походили на современные глянцевые обложки. Слуга прошел к столику, но девушка вдруг устремилась к лакею и схватила газету с подноса.

Большой черный заголовок русскими буквами вперемешку со странными и твердыми знаками на конце вызвали у девушки панику. Когда же ее взор упал на строчку чуть ниже, она тихо прочитала:

– Двадцать шестое мая 1860 года... – Ее дикий взор переместился на лицо Чернышева, который стоял тут же и как-то чересчур ласково смотрел на нее, Надя пролепетала: – Что это все значит?

В ее голове забилась дикая мысль о том, что она попала в какое-то прошлое, словно тупая попаданка из глупого романчика, и это была не сказка, а реальность. Но она не могла никуда попасть и уж тем более в 1860 год. Наверняка это все ей просто кажется, или она пребывает в каком-то кошмарном сне. Ее голова загудела от напряжения, и в следующий миг она ощутила шум в ушах и упала в обморок.

Она пришла в себя спустя пару минут. Открыв глаза, Надя отметила, что находится на руках у Чернышева. Он легко удерживал ее у своей груди. Девушка тут же смутилась и воскликнула:

– Поставьте меня, поставьте!

Молодой человек осторожно позволил ей встать на ноги, но все же рукой бережно придерживал девушку за талию. Слуга уже исчез, и они опять были вдвоем. Она несчастно посмотрела на мужчину и прошептала:

– Отчего вы так возитесь со мной? Зачем?

– Как же, именно я виноват в произошедшем, моя же лошадь...

– Да перестаньте извиняться. Я уже вам все простила, – перебила она его, нахмурившись. Молодой человек смотрел на нее так нежно и тепло, что Наде стало не по себе. Она не могла

поверить, что мужчина может вообще так на нее смотреть: жадно, нежно, трепетно и поглощающе.

– Я рад этому.

– Мне очень надо в туалет, мой живот, – замялась она, не зная, как назывался в то время туалет. – Ну, в эту комнату, как вы ее зовете, не знаю, где я смогу остаться одна и...

– Я понял, в уборную, – просиял он, наконец хоть что-то поняв из ее речей. – Пойдемте.

Он увлек ее в угол спальни и там открыл небольшую дверцу. Надя зашла внутрь и плотно прикрыла за собой дверь. Здесь было окно, которые освещало небольшое пространство комнаты. Убранство туалета показалось ей непривычным и вычурным. Она сделала свои дела и еле нашла, как спустить воду. Вода пошла ржавая и мутная. Затем она вымыла руки из странного умывальника, отметив, что в углу стоит большая деревянная ванна.

Когда Надя вышла из уборной, как назвал ее молодой человек, она тут же наткнулась на Сергея. Снова оглядев молодого человека с головы до ног, она отметила, что одет он очень необычно: в шелковую рубашку с черным шейным галстуком, длинный приталенный пиджак темного цвета, светлые брюки в мелкую клеточку. Его облик теперь показался ей совсем несовременным, как будто его нарядили для исторического кино. Сначала Надя не посчитала это необычным, ибо сейчас в России, да и в мире носили все что угодно, но в эту минуту, сопоставляя факты, побледнела.

Она быстро приблизилась к газете, которая лежала на столике, и вновь пробежала глазами по строкам, поняв лишь часть текста из-за неизвестных букв, которые присутствовали на лицевой странице. Стремительно переведя взор на большой канделябр, стоявший так же на столе, Надя потрогала потушенные свечи мягкого желтоватого цвета. Они точно были восковыми, так как от них шел натуральный аромат. Но нынче не пользовались свечами, а если и применяли, то уж не восковые. Именно в этот момент она окончательно запаниковала, инстинктивно чувствуя, что находится не в своем времени.

– Вы пользуетесь электричеством? – глухо, с некой надеждой в голосе спросила она, обернувшись к Сергею. Он почтительно стоял за ее спиной и молчал, наблюдая за всеми действиями девушки.

– Электро... что? – переспросил он.

В следующий секунду, не выдержав напряжения и испуга, который охватил ее, она стремительно подбежала к окну и, отодвинув штору, увидела, что находится на втором этаже. Перед ее взором раскинулся зеленый парк с кустами и палисадниками. А у одного из деревьев стояли две женщины в длинных темных сарафанах на русский манер. Надя резко отпрянула от окна и, вскрикнув, выбежала прочь из комнаты.

Вылетев в коридор, девушка едва не сбила с ног старую женщину в длинном старомодном платье и в белом чепце.

– Простите! – воскликнула Надя и устремилась вперед, увидев лестницу, ведущую вниз. Старушка попятилась от нее и начала креститься.

– Свят! Свят! Лидочка! – запричитала Велина Александровна ей вслед.

Около старой женщины тут же оказался Сергей, который так же выбежал из спальни вслед за девушкой. Только на миг задержавшись около старушки, он вымолвил:

– Бабушка, это не Лидия Ивановна, вы ошиблись!

– Бог ты мой, а я-то уж подумала...

– Я сейчас, – бросил молодой человек, устремившись далее, видя, как девушка уже достигла лестницы.

– Что происходит, Сережа?! – воскликнула ему вслед Велина.

– Потом, бабушка, – бросил ей через плечо Чернышев.

Лишь на мгновение Надя замерла наверху мраморной широкой лестницы, отметив, что дом Чернышева не что иное, как дворец, ибо ширина коридоров и лестницы была просто шоки-

рующе вульгарна и огромна. Богатые хрустальные люстры свисали с вычурного высоченного потолка. Она миг опомнилась и побежала вниз по мраморным ступеням.

Едва Надя приблизилась к входной двери, где стоял дворецкий, как тот услужливо распахнул перед ней дверь, поклонившись.

– Надежда Дмитриевна, постойте! – услышала она окрик молодого человека откуда-то сверху, но даже не обернулась. Дикое ужасное предположение уже завладело ее существом, но девушка упорно не хотела думать о том, что казалось ей правдой.

Слома голову она выскочила на улицу и побежала по липовой алее, которая вела к чугунной ограде. Уже через минуту схватившись за чугунные прутья-листья, она потрясенно огляделась.

Перед ней простиралась широкая немощеная дорога, в некоторых местах выложенная булыжниками, по которой перемещались груженные телеги, старинные кареты. Горожане, проходящие мимо, так же выглядели старомодно. Она заметила дам в дорогих платьях в пол, женщин в свободных русских сарафанах, бородатых мужиков в простой одежде, которую носили в деревнях крестьяне, и импозантных франтов-мужчин в изысканных сюртуках и высоких шляпах. Вся эта картина жизни показалась ей такой реальной, что девушка впала в оцепенение.

Страшное предположение, что она все-таки каким-то неведомым образом оказалась далеко в прошлом, в этом газетном 1860 году, вновь пронзило ее сознание. Но вдруг ее ум выдал некую спасительную версию происходящего. Услышав шаги за спиной, она резко обернулась к Чернышеву и выпалила с надеждой в голосе:

– Я поняла! Вы снимаете кино?

– Кино? – поднял брови Сергей. – Никогда не слышал подобного слова... Последний час вы, милая, говорите о каких-то странных неведомых мне вещах, так что я не знаю, что и ответить вам.

– Что это за место?

– Где?

– Вот прямо здесь! – вымолвила она нервно. – Это старый Екатеринбург? – он смотрел на нее как-то обеспокоенно, и она почти умоляюще спросила вновь. – Ну, город это Екатеринбург ведь так?

– Нет. Воронеж, Воронежская губерния, усадьба Михайлово.

Не в силах выдержать происходящего и ничего не понимая, Надя прислонилась к чугунной ограде и диким взором посмотрела на молодого человека. Через миг на ее глазах выступили слезы.

– Боже! Только не плачьте! – воскликнул Сергей, приблизившись к ней на минимальное расстояние.

Она тут же выпрямилась и нахмурилась.

– Я и не собиралась, – тяжело вздохнув, прошептала она, отводя взор, вновь оборачиваясь к улице и сквозь пелену слез, уже застилавших ей глаза, смотря на прохожих.

– Как же! – порывисто добавил Чернышев и склонился к девушке. Она была чуть ниже него и доставала ему макушкой до носа. – Я все прекрасно вижу. Вы чем-то сильно расстроены. Расскажите мне.

Она повернула к нему лицо и нервно заметила:

– Да, я расстроена! Очень расстроена! А что бы делали вы, если попали в незнакомый город и увидели незнакомых людей!

– Не надо так переживать, Надежда Дмитриевна, – попытался успокоить он. – Пойдемте в дом. Обо всем поговорим. Вы успокоитесь.

– О чем поговорим? Я хотела ехать домой, а теперь понимаю, что это невозможно!

– Отчего же?

– Да оттого... – она замылась и яростно просмотрела на него. – Вот скажите, какое сегодня число?

– Двадцать шестое мая, – просто ответил он.

– Да год же, год! – нетерпеливо вспыхнула она.

– 1860 от Рождества Христова.

Из ее глаз брызнули слезы.

– Видимо, я и в правду сошла с ума, – пролепетала она, закрыв лицо тонкими ладонями и чуть осев вниз.

Он тут же наклонился над ней и увещевательно предложил:

– Надежда Дмитриевна, пойдемте в дом, крепостные смотрят. Зачем перед ними-то...

– Крепостные?! – вымолвила она глухо, убрав руки от лица. Она действительно заметила, что неподалеку стоят те самые две женщины, которых она видела в сарафанах. Они с интересом смотрели в их сторону. Только теперь с ними топтался еще бородастый мужик с метлой. Значит, эти люди были крепостными. А крепостное право существовало в России два века назад. Это было какое-то помешательство.

Она вновь всхлипнула и удрученно посмотрела на Сергея. Располагающее доброе выражение его молодого лица навело ее на мысль, что он не заслуживает грубости, с которой она говорила с ним последние четверть часа.

– Прошу вас, не говорите мне больше ничего, – взмолилась она. – Чем больше вы говорите, тем больше я нервничаю.

– Как прикажете, – кивнул молодой человек.

Она медленно поднялась на ноги, и он придержал ее за локоть.

Но в следующее мгновение она ощутила, как сильно сжалось ее сердце и закололо. Страшный врожденный порок, который еще с детства доставлял ей столько проблем, вновь напомнил о себе. Ей стало трудно дышать, и она стиснула грудь рукой, хватая ртом воздух.

– Вам дурно, милая? – обеспокоился Сергей.

Надя в упор болезненным взором посмотрела на молодого человека.

– Мне плохо... очень... надо...

– Что мне для вас сделать? – спросил он, придерживая ее. – Где у вас болит?

– Сердце... сейчас... мне надо подышать как следует, – она сжалась всем телом от нестерпимой ношей боли.

– У вас больное сердце? – предположил он, прижимая ее к себе, чтобы она не упала.

– Порок.

– И как я не увидел этого, – пролепетал он и приложил ладонь к ее спине в районе сердца, тут же прощупывая энергетически ее внутренний орган. Действительно, сердце ее было с изъяном. Он нахмурился, поняв, что, когда осматривал ее в спальне, видимо, так увлекся ее прелестью, пораженный сходством с Лидией, что не заметил этого страшного недуга. Ласково смотря на девушку сверху вниз, молодой человек гладил ее по спине, как будто успокаивая и вводя в ее сердечко светлую энергию, стараясь очень осторожно окутать ею больное место. Уже через несколько минут Сергей отметил, что девушка стала менее напряжена. – Отпустило? – спросил он сочувственно.

– Вроде уже лучше, мне просто больше не надо думать об этом всем.

– Верно. Пока позабудьте. Вам нужно отдохнуть. Поесть. Помыться, если захотите. Пойдемте в дом.

– Мне неудобно опять идти к вам, – неуверенно сказала Надя. – Чувствую себя как прилудная собака, которую вы нашли на улице...

– Не надобно так говорить, Надежда Дмитриевна. Вы будете моей гостьей, пока мы во всем не разберемся, – улыбнулся он, удерживая ее за талию и направляясь с ней в сторону дома. Она послушно шла с ним, пытаясь глубоко дышать. И ей нравилось то, что он говорил. –

Я живу только с братом и бабушкой. Знаете ли, скучно. А вы хоть немного разнообразите мое существование, даже если и на некоторое время. Вы согласны, Наденька?

Так... уже и Наденька! Это его обращение вместе с нежностью и каким-то трепетом в голосе затронуло потаенные струны ее души. Она мгновенно растаяла и печально улыбнулась ему, чувствуя, что сердце уже не колет, а тело покрывается предательскими мурашками от его прикосновений и слов, которые, словно успокаивающий бальзам, лились в ее душу. В этот миг Чернышев казался ей таким добрым, спокойным, надежным и, будь он неладен, таким привлекательным, что Надя не могла поверить во все это.

Ну не мог же мужчина быть таким... таким, словно герой-принц из сказки...

Глава I

V

. Двойник

Неторопливо они вернулись в дом, и Чернышев по просьбе девушки проводил ее обратно в спальню, где уже находилась Велина Александровна в черном муаровом платье и с шалью на плечах.

– Здравствуйте, дорогуша, – приветливо сказала пожилая дама, едва они вошли.

– Добрый день. Извините меня за то, что напугала вас на лестнице, – ответила Надя, печально улыбнувшись. – Простите, не знаю, как вас зовут.

– Великою Александровной меня кличут.

– Бабушка, Надежда Дмитриевна намерена немного погостить у нас. Вы же не против?

– Совсем нет. Надолго вы остановитесь у нас?

– Я даже не знаю, – промямлила девушка, вновь скиснув и посмотрев на Сергея. – Я не хочу тут оставаться, но все как специально против меня.

Весь этот разговор нервировал Надю, она никак не могла успокоиться и то и дело хмурилась.

– Вы приехали издалека? – поинтересовалась старушка.

– Из другого города. И мне, неверное, придется переночевать у вас, пока я не решу, что же дальше делать.

– Конечно, оставайтесь, сколько вам будет угодно, милая Наденька, – закивал Сергей.

– Боже, не говорите вы так! – воскликнула она, заламывая руки.

– Как же?

– Так ласково, как будто я ваша сестра, – ответила она.

– Присядьте сюда, – предложил ей Сергей. Надя послушно опустилась в кресло у окна.

Старушка заняла место напротив на диванчике, а молодой человек остался стоять рядом с бабушкой, чуть опершись бедром о спинку.

– Вы вся на нервах, дорогуша. Сейчас прикажу чаю с валерьяной заварить, – сказала важно Велина Александровна и быстро позвонила в колокольчик, стоявший на столике рядом. Не прошло и минуты, как в спальню бойко вошла рябая девица в простом черном платье, белом переднике и небольшом чепце на голове. – Милаша, будь любезна, завари-ка нам чаю с валерианой да с мятой. Да пирогов еще принеси и побыстрее.

– Слушаюсь, барыня, – поняла девица и исчезла за дверью.

Проводив рябую девушку взглядом, Надя подняла на Сергея глаза и тихо спросила:

– А эта Милаша тоже крепостная?

– Крепостная, а кем же ей еще быть? – ответила быстро старушка, увидев, что девушка изменилась в лице. – Что-то не так, дорогая?

– Боже, да что же это такое?! – воскликнула в сердцах Надя. – Я ничего не понимаю!

– Не надо так переживать, Наденька, – попытался успокоить ее Сергей. – Может, вы приляжете и поспите немного? А то вы словно не в себе.

– Конечно, я не в себе, вы правильно заметили! – дрогнувшим голосом произнесла девушка. – Но я не приду в себя, пока до конца все не выясню. И заснуть мне вряд ли сейчас удастся.

– Хорошо, я понял вас. Давайте тогда поговорим спокойно и все обсудим, – кивнул молодой человек.

– Давайте...

– Сереженька, может, наша гостья есть хочет, а ты со своими обсуждениями? – вмешалась старушка.

– И в правду! – выпалил он. – Вы голодны, Надежда Дмитриевна?

– Нет, спасибо, – ответила Надя. – Я не голодна. Я просто хочу знать, где я и что со мной?

– Как же, дорогуша? – удивилась Велина. – Вы вроде у нас и выглядите чудесно, только бледная очень.

– Бабушка, подождите, – перебил ее Сергей. – Что же вы хотите знать, Наденька? Спрашивайте, я отвечу на все ваши вопросы.

– То, что я в Воронеже и на дворе 1860 год, уже понятно, – траурно произнесла Надя. – А еще что-нибудь вы можете мне рассказать о вашем времени?

– О нашем времени? – поднял брови Сергей.

И тут Надю осенило, что эти люди не понимают, чего она от них хочет. Они казались такими реальными в этой обстановке и в этом времени, словно всегда тут находились. Она с ужасом осознала, что как раз здесь ей не место. Именно она каким-то странным образом очутилась в прошлом, да еще и в другом городе. Следующая мысль девушки была о том, что, наверное, не стоит сейчас говорить этим людям правду, наверняка они примут ее за сумасшедшую. И, наверное, ей надо немного осмотреться и понять вообще, что происходит. А уже потом решить, стоит ли говорить им все о себе? Возможно, правда о XXI веке не будет воспринята ими адекватно.

– Ну да, – замялась Надя, припоминая исторические факты, которые могли бы подтвердить ее нахождение непосредственно в этом веке. – Ведь император-батюшка в добром здравии?

– Конечно, – кивнула пожилая дама. – Александр Николаевич, как и прежде, на престоле.

– И вы живете в этой усадьбе, Сергей Михайлович, вместе с вашей почтенной бабушкой и крепостными слугами, – она печально улыбнулась старушке.

– Не только, с нами живут еще мой родной брат и шурин.

– Вы женаты? – подняла брови Надя, понимая, что, если есть шурин, должна быть и жена. Нахмурившись, она осознала, что для женатого человека Чернышев уж очень неприлично ведет себя с ней, а его взгляд невозможно призывный, страстный, явно не был платоническим.

– Я вдовец, – ответил тихо молодой человек.

– Вы такой молодой и уже вдовец?

– Так получилось. Три года назад мы Лидочкой обвенчались, а в прошлом году она умерла, точнее, пропала без вести.

– Ах, я поняла! – воскликнула Надя и обратила взор на старушку. – Вы меня за нее в коридоре приняли, так, Велина Александровна?

– Так и было. Уж больно вы похожи с покойницей!

– Бабушка, как вы такое говорите? – возмутился Сергей. – Надежда Дмитриевна совсем не похожа на Лидию.

– Прости, касатик, – ласково произнесла Велина, видя недовольный взгляд внука.

– Вы хотите спросить что-то еще? – поинтересовался Сергей.

– Я даже не знаю, – пролепетала Надя. – Просто хочу сейчас одного – оказаться в своем родном Екатеринбурге, в своей комнате на седьмом этаже и заснуть крепким сном до утра, пока не зазвонит будильник и не надо будет вставать и ехать в институт.

После ее заявления Чернышев и его бабушка уставились на девушку непонимающе, молодой человек отрицательно покачал головой и спросил:

– Наденька, вы уже пару часов в моем доме и все время говорите какими-то загадками. Ведь Екатеринбург – провинциальное городишко и там не может быть институтов. И в империи только один институт для благородных девиц, и тот в Петербурге. И как вы можете жить на седьмом этаже, когда даже Зимний императорский дворец всего о четырех этажах? Ваш отец безумный богач или какой-то великий архитектор, раз выстроил подобный дом в семь этажей?

– Блин! – выругалась Надя и, тут же увидев, что они оба непонимающе смотрят на нее, вмиг извинилась. – Простите, я когда сильно нервничаю, говорю это бранное слово.

– Бранное слово? Какое же? – удивился Сергей.

– Зачем же вы бранитесь? Это вовсе не к лицу юной барышне, – пожурив ее старушка.

– Я не барышня, – прошептала Надя.

Она опустила голову, не зная, как сказать им, что она в этом времени чужая и вообще из будущего. Надя поняла, что правда будет слишком сказочной и нереальной для их ушей. Ведь это она знала из фантастических книг, что люди могут перемещаться во времени. Но граф и его бабушка наверняка даже не подозревали об этом. Потому она решила пока не говорить им правду, может быть, она останется в этом времени ненадолго, или вообще это все дурной сон.

Надя вновь ущипнула себя за руку, но ничего не произошло. Как же она хотела, чтобы все это оказалось сном. Но нет. Она так и сидела в бархатном кресле в помпезной спальне, а перед ней были все те же люди. Надя вновь тяжело вздохнула, понимая, что надо немедленно придумать какую-то правдоподобную историю, отчего она оказалась в лесу в своем непонятном одеянии. Хотя она и сама не знала, как там очутилась.

Заметив ее бледность и несчастные вздохи, молодой граф тут же заботливо спросил:

– Надежда Дмитриевна, вам плохо? Опять сердце?

– Нет, – ответила она. – Я хотела сказать, что была барышней до этого времени, – соврала она и начала подбирать слова, более свойственные для этого времени на ее взгляд. – Но определенные обстоятельства способствовали тому, что я потеряла все и своих родных. И, наверное, в ближайшее время не смогу вернуться домой. Более я не могу вам ничего рассказать.

– У вашего батюшки нелады с властями? – озвучил предположение Чернышев.

– Э-э-э, – она задумалась и тут же печально улыбнулась, ведь он невольно подсказал ей нужную версию. – Вы правы, Сергей Михайлович, он состоял в некоем тайном сообществе, наподобие тех, что тридцать лет назад пытались свергнуть царя, оттого его арестовали, и недавно он умер в тюрьме.

– Какая печальная история, – согласилась Велина Александровна. – Но вы не бойтесь, дорогая Надежда, в этом доме вы в безопасности.

– Наденька, вы можете рассчитывать на нас, бабушка права. И жить у нас, сколько потребуется, пока все не наладится, – твердо заявил граф.

– И вы не бойтесь, что я подвергну ваше семейство опасности?

– Опасности? – поднял брови Сергей. – У царской охранки все кругом виновны. Кто якобы в заговоре состоит, кто недоволен крепостным правом, кто просто потому, что не хочет пить водку. Если всех сторонить, тех, которые имеют отличное мнение, то и людей вокруг не останется.

– Сережа прав, не переживайте за то, – поддержала его старушка.

– Оставайтесь у нас, даже не раздумывайте. И имени батюшки вашего я спрашивать не буду, чтобы вы были спокойны, – добавил Сергей, улыбаясь.

– Я так благодарна вам, – ответила Надя тихо, вновь вспомнив старое слово. Она понимала, что теперь ей надо играть роль и пытаться говорить, как и они, чтобы не вызвать подозрений, а потом, может быть, у нее появится возможность и она сможет вернуться домой.

– Однако, дорогуша, у вас странное одеяние, немного недопустимое. Вам должно справиться несколько нарядов, приличествующих вашу положению, – заметила Велина Александровна, и девушка поняла, что пожилая дама даже не сомневается в том, что она дворянка.

– Согласен с тобой, бабушка, – подхватил Чернышев. – Как вы, Наденька, смотрите на то, чтобы мадам Ломотье приехала к нам? Сейчас пошлю слугу в ее салон с запиской, и если она свободна, то приедет, снимет с вас мерки, а, вероятно, уже завтра к утру сможет доставить пару приличных нарядов.

Вновь желая сказать, что у нее приличное платье, Надя все же вежливо промолчала. Она находилась в гостях, и эти люди явно хотели ей помочь, теплота читалась в их взорах, а ее капризы могли бы их обидеть.

– Хорошо, благодарю, – кивнула девушка. – Только я не знаю, когда смогу с вами расплатиться. Денег у меня совсем нет. Я могла бы как-то отработать, наверное. Могу в доме уборку сделать, постирать, ну и посуду помыть.

– Не стоит переживать по поводу денег, – быстро вымолвил Сергей. – Мне не в тягость помочь вам.

– Но все равно...

– Я подарю вам платья, Наденька. Разве вы не можете принять их в дар?

– Сереженька прав, даже не переживайте по этому поводу. Мы всей дворне два раза в год новые платья справляем. У нас достаточно средств для этого, знаете ли.

– Хорошо, – улыбнулась Надя, чувствуя, что судьба невероятно милостива к ней, раз послала ей на пути таких чудесных людей.

– Наденька, а теперь, может, вы приляжете и немного поспите? – предложил Сергей. – А то вы очень бледны, это пугает меня.

Девушка вспомнила, что он разбирается в медицине и наверняка видит ее нервное состояние. Действительно, ее до сих пор немного мучило отчего-то, а голова была ватной.

– Я даже не знаю, – ответила нерешительно она.

Велина Александровна сделала знак глазами внуку, и тот быстро приблизившись к девушке, склонившись над ней и взяв ее руку в свою.

– Вы так устали, вам надо отдохнуть, – начал он увещевать монотонным голосом. Девушка ощутила, как через минуту ее окутало тепло и нега, и она прикрыла глаза. Чернышев положил на ее голову ладонь и тихо прошептал: – Вы спите, спите...

Уже через пару минут девушка вошла в состояние сна. Сергей, легко подхватив ее на руки, перенес Надю на кровать, бережно положил ее головой на подушку. Поправив ее растрепанные темные волосы, накрыл одеялом. Приложив руку к ее левой груди, Чернышев начал просвечивать энергией ее сердце. Оно билось спокойно и ровно. Вновь отметив ее недуг – порок сердца, он вздохнул и убрал руку. Не спуская пытливого и ласкового взора со спящей девушки, он услышал, как к нему приблизилась бабушка.

– Ты верно решил, милоч, – сказала она тихо. – Ей надо отдохнуть. Она вся измаялась. Долго проспит?

– До утра я думаю. Пойдемте вниз, бабушка, не будем ей мешать.

Чернышев подставил старушке свой локоть, и они вышли из спальни, прикрыв дверь.

– Ты бы чаю выпил с валерианой, Сережа, – заметила Велина Александровна, когда они позже находились в чайной.

– Погодите, бабушка, надобно мне посмотреть кое-что, – отмахнулся от нее граф.

Старушка сидела за столом, медленно отпивая горячий пахучий напиток, а молодой человек, устроившись в кресле, листал книгу, которую принес из своего секретера. Книга была по медицине, а именно по кровеносным сосудам и сердцу, написана на немецком языке. Сергей быстро пролистывал страницы, пытаясь найти заключения медиков по поводу того, отчего возникает порок сердца у людей. Понимая, что надо сначала лечить душевный недуг, вызывающий заболевание, он искал примеры из жизни больных, которые могли быть описаны медиками.

– А сходство с Лидочкой просто потрясет, – сказала Велина, обмакивая пряник в сливовое варенье и откусывая.

– Вы ошибаетесь, бабушка. Не похожа ни капли, – откликнулся молодой человек, поднимая взгляд от книги.

– Как же не похожа? По-моему, так вылитая Лидия.

– Говорю, вы неправы, – возмутился Чернышев.

– Ну что я, слепая, по-твоему? Согласна, она чуть выше, чем Лидочка, да и цвет глаз светлый, ореховый, не серый. Но волосы точно такие же, да и лицо, те же черты. По мне, внешне вылитая твоя бывшая жена.

– Да нет же, говорю вам. И нрав, и мимика у нее не похожи на Лидины. А взгляд и вовсе другой. Она так в первый раз на меня глянула, у меня до сих пор мурашки по коже.

– Знаю я эти мурашки, – хитро отозвалась Велина Александровна. – Вижу, приглянулась она тебе, вон как взор горит.

– Не так это...

– Так. Нечего скрывать. Только прав ты в одном, милоч, характер-то у нее не Лидии. Та покорная и тихая была, а эту еще обуздать нужно. Вон как она рвалась из дому, насилие удержали. Да и говорит иногда чудно.

– Вы тоже заметили это, бабушка?

– И вообще... расскажи, где ее нашел?

– У Ольховского проезда, на перекрестке дорог. Она из леса на дорогу выскочила. Ефим сбил ее лошадью.

– У Ольховки? И что там делал?

– По делам в Выхино ездил.

Внимательно посмотрев на молодого человека, Велина Александровна строго поинтересовалась:

– Опять к этому проклятому дому? Зачем?

– Да, – кивнул Сергей напряженно. – Мои люди следили за тем домом. Я велел им, как кто живой там объявится, сообщить. Сегодня на рассвете Григорий доложил, что в подвалах вроде свет виден. Я и поехал без промедления.

– Зачем ты опять в то логово суешься, Сережа? – сказала она строго. – В прошлый раз едва жив остался, чуть не застрелили тебя насмерть, а жену ты так и не нашел.

– Чую я, бабушка, что тот колдун виновен в исчезновении Лидии.

– Говорила я тебе, не ездь туда. Хорошо хоть, живой вернулся.

– Бабушка, я почти поймал его!

– Кого? Колдуна?

– Да. Точно, это тот же самый колдун, которого я возле церкви с Лидой видел за два дня до того, как она пропала.

– И что же, он сегодня в этом заброшенном доме находился?

– Мне показалось, что именно его я видел.

– Как это?

– Он вдалеке стоял, когда я в подвал спустился. Я за ним погнался, пытался ранить из пистолета, но вы знаете, я плохо стреляю, промахнулся. И все же почти схватил его. Но он укрылся в одной из комнат подвала. Пришлось дверь ломать, но, когда распахнул ее, в той

коморке уже никого не было. Видать, через другую дверь он скрылся. Побежал за ним, но так и не догнал. Обшарил все подzemелье и дом тот заброшенный, но более никого не нашел.

– А комната, где он скрылся от тебя, какова она, расскажи.

– Убогая комнатуха. Много стеллажей со склянками какими-то и травами сухими. Кровать обшарпанная, облезлый стол большой, еще камень громадный посреди стоит, плоский, ну и окно в потолке. И ума не приложу, куда делся этот колдун из подzemелья? Я более никого не нашел.

– Знать, другой потайной ход был.

– Я тоже так думаю...

Проснулась Надя от внезапного крика птицы за окном. Открыв глаза, она резко села на постели, не понимая, где находится. Просторная спальня с высоченными потолками и вычурной мебелью лишь на миг вызвала у девушки испуг, а потом она устало бухнулась обратно на подушку, осознавая, что все еще была здесь, в этом прошлом времени, как и накануне. Она устала на расписной плафон потолка, думая о том, что ей вовсе не страшно в этом незнакомом месте. Ночной мрак еще не отступил и рассвет едва занимался. С чуть приоткрытого окна в комнату вливался прохладный воздух, наполняя тихую спальню свежестью и еле слышимыми трелями соловья.

Сон совсем пропал, и Надя очень долго лежала в постели, думая, что же ей теперь делать в этом времени и возможно ли вообще вернуться домой, в свое время? Из уроков истории, которые она обожала, и из исторических фильмов Надя знала довольно много про эту эпоху и наверняка могла бы приспособиться. Но все же хотела вернуть домой, ведь она привыкла к благам цивилизации. Сотовые телефоны, канализация, компы и самолеты делали жизнь проще и быстрее. А здесь... здесь все было по-иному.

Вчера ей несказанно повезло, и она попала в этот богатый дом. Но надолго ли? Может, завтра ей скажут уходить прочь, и куда она подается? Что будет делать в этом веке? Ее диплом эколога, навыки веб-дизайнера в девятнадцатом веке ничего не стоят. Чем она могла здесь заниматься? Быть прислугой или кухаркой? Не более того, наверное.

Ах да, в этом веке женщины всецело зависели от окружающих их мужчин: отцов, мужей, братьев. И она вполне могла стать чьей-нибудь женой. От этого вывода Надя поморщилась. Нет, она не собиралась пристраиваться к какому-нибудь мужчине, только чтобы не нуждаться. Нет. Замуж она, как и раньше, собиралась выйти по любви. А любила она Руслана, который остался там, в двадцать первом веке.

Размышляя о своем неопределенном настоящем, Надя вдруг вспомнила ласковые глаза Сергея Михайловича и приветливое лицо его бабушки Велины. Их образы наполнили девушку спокойствием и какой-то тихой радостью. Они очень хорошо и тепло отнеслись к ней, хотя совершенно ее не знали. Что бы Надя делала сейчас без их помощи? На дороге, где нашел ее Чернышев, без денег и из другого времени.

Снова раздался неприятный резкий крик птицы, и Надя насторожилась. Проворно поднялась с постели, она быстро прошла босиком по паркетному полу к приоткрытому французскому окну. Накануне было душно, а теперь утренняя прохлада освежала. Надя распахнула окно и вышла на небольшой трехметровый балкончик. Птица с жутким голосом кричала где-то сбоку, и девушка повернула голову вправо, пытаясь понять, что это за птица с таким неприятным голосом.

Невольно Надя заметила некое движение сбоку, у хозяйственных построек. Утренние лучи едва тронули округу, прорываясь сквозь ветви дальнего леса, но лужайка перед домом еще плохо освещалась. Девушка прищурилась и отчетливо различила две фигуры в темных плащах, с капюшонами на головах. Одну повыше, вторую чуть меньше. Люди быстро перемещались вдоль стены хозяйственного дома, и у одного на плече лежал длинный предмет, похо-

жий на длинный топор или грабли. Надя удивилась, не понимая, кто это в такую рань ходит по саду, еще и прикрывая лицо, словно боится быть узнанным. Это показалось ей странным. Она начала внимательнее всматриваться в темноту, пытаясь получше разглядеть этих двоих, но даже не поняла, какого они пола.

– Добро утреча вам, барышня! – неожиданно раздался за ее спиной звонкий голос.

– Ой! – вскрикнула Надя и резко повернулась. Перед ней в проеме окна стояла миловидная девушка с двумя толстыми русыми косами, лежащими на высокой груди и приветливой улыбкой на приятном лице. В темном прямом платье с белым воротничком и чистом накрахмаленном переднике она очень походила на кого-то из прислуги. – Ты напугала меня.

– Я Дуняша, вашей горничной буду, так Сергей Михайлович приказали, – объяснила девушка, по возрасту ровесница Нади.

– Зачем мне горничная? Не надо мне, – ответила она.

– Но как же, Надежда Дмитриевна? Ведь барин приказали, – опечалилась Дуня.

– Я же не госпожа какая. Сама все умею. Ты не обижайся, Дуня, но походи к Сергею Михайловичу и скажи, что не требуется мне горничная...

– Нет, прошу вас, барышня! Не прогоняйте меня. Мне эта работа очень нужна. Граф мне восемь рублей положил за месяц. А я так хочу здесь работать, как при покойной жене его. Я все-таки ее горничной была.

– Э, – замялась Надя, нахмурившись. – Но все равно мне не нужна горничная, – уже как-то неуверенно заметила она и, ощущая, что босые ноги замерзли, быстро прошла обратно в комнату, разыскивая новые тканевые тапочки, которые ей услужливо отдала вчера Велина Александровна.

Надя встала на колени и увидела второй тапочек под кроватью. Она полезла под нее, а Дуня тут же упала рядом.

– Позвольте, барышня! Я помогу вам. Что ж вы сами-то?

Но Надя уже достала тапок и, усевшись на кровать, сунула в него ногу.

– Дуня, я же не инвалидка какая-то. И к слугам не привыкла.

– Отчего же? – округлила глаза Дуня.

Внимательно окинув ее взглядом, Надя улыбнулась и сказала:

– Ну вот скажи, зачем мне горничная?

– Как же? У барышни должна быть горничная, а кто вам облачаться в платья помогать будет, и прическу сделать, а кто постельку уберет да перину взобьет. И письма я могу снести куда надобно, и воду натаскать для ванны. Нет, вам без горничной совершенно нельзя. Вы же барышня, а они без горничных никак.

– Ясно, всегда так и думала, что барышни – это какие-то немощные создания, падающие в обморок.

– Прошу вас, не отсылайте меня восвояси, Надежда Дмитриевна. Я очень хорошо служить вам буду. Лидия Ивановна всегда меня хвалила, я у нее почти два года прислужницей была, с того дня как она меня купила.

– Купила? – переспросила Надя и поморщилась. Ну да в этом времени людей покупали и продавали, как товар. Когда-то давно она читала о продаже крепостных и даже видела старую отсканированную газету в интернете середины девятнадцатого века с таким объявлением: «Продается семейная пара слуг: муж с женой, – цена тридцать рублей». Именно это вспомнила Надя, и ей стало не по себе. Она вновь оглядела стоявшую перед ней девушку, и ей стало жаль ее. – Ты крепостная?

– Раньше была. Барыня Лидия Ивановна мне вольную дала. Я теперь свободна, слава Богу.

– Это хорошо, – улыбнулась Надя.

– Да уж, каждый день о ней, благодетельнице, молюсь. Ведь прошлый барин плохо со мной обращался. Бил да насильно миловаться принуждал.

– Кошмар, – вымолвила Надя.

– Он еще какой самодур был, мы-то привыкшие к такому. Почти все горничные у него в любовницах ходили. Вот я и говорю, что повезло мне, когда в дом к графам попала. А Лидия Ивановна добрая душа была.

– Тогда ты, наверное, все знаешь о ней? О жене Сергея Михайловича.

– Конечно, многое знаю, – улыбнулась Дуняша.

– Я хотела, чтобы ты рассказала мне о ней, Дуня.

– И мне можно остаться, яхонтовая Надежда Дмитриевна? У вас в горничных?

– Ладно, Дуня, оставайся, – кивнула Надя. – Станем подружками. Ты мне все рассказывать будешь, как верно вести себя, а то я чувствую себя здесь неуверенно. Хорошо?

– Вот спасибочки, барышня!

– И называй меня на «ты», Надя, договорились?

– Нет, не могу.

– Почему?

– Не по чину мне вас называть по имени. Да и не поймет никто.

– Ладно, называй, как хочешь. Но ты, Дуня, все же расскажи мне немного о Лидии.

– Что вы хотите о ней знать, барышня?

– Какой она была?

– Ну, доброй, заботливой, никогда не бранилась. А иногда даже мне свои сережки или колечки дарила. Помню, на день рождения мой новое платье мне купила, простое, правда, но уж из дорогой ткани. Уж как я благодарна ей была.

– Ты любила ее?

– Еще бы. Такая она хорошая была барыня, любезная, под стать своему мужу. Ведь именно она меня у прежнего хозяина выкупила, а потом упростила Сергея Михайловича вольную дать.

– А как она умерла?

– Никто о том и не ведает. Утром встали, а ее в спальне нет. Хотя на ночь я сама ее спать укладывала, а вечером к ней муж только и заходил. Тогда поутру Сергей Михайлович всю округу на ноги поднял, а так и не нашли ее. И несколько недель искали, даже полиция. А потом спустя пару месяцев барин всем объявил, что, скорее всего, ее в живых нет. Но откуда он это взял? Мы не знаем. Как-никак ее тела так никто и не видел. И очень уж горевал барин по ней, прям жалко на него смотреть было.

– Печальная история.

– И я печалилась о барыне, праведница она была и любила всех.

– Но странно пропала как-то.

– И не говорите, барышня, – кивнула Дуня, – Давайте я помогу вам умыться. А потом завтрак принесу. Ведь Сергей Михайлович распорядились, чтобы утреннюю трапезу пока вам сюда подавать, пока вы не поправились.

– Я вроде в порядке. А что, он уже проснулся?

– Наверное, его сиятельство рано встает, – пожала плечами Дуня. – Сейчас наверняка принимает в своем кабинете всяких просителей. И зачем он им всем помогает, ума не приложу? Постоянно в доме какие-то нищелюбы трутся.

– Добрый, наверное.

– Его доброта-то и погубит, – вздыхая, заметила Дуня. – Вы что на завтрак желаете? Есть блинчики или каша овсяная, можно ватрушки со сметаной.

– Наверное, блины, – пожала плечами Надя.

Глава

V

. Барышня

Едва Дуня ушла, как на пороге ее спальни возникла приятная темноволосая старушка в темно-зеленом платье с рюшами и высокой прической.

– Как вы, дорогая? Обжились? – спросила Велина Александровна, проходя в комнату.

– Вроде. Спасибо вам за все, – ответила Надя приветливо и улыбнулась.

– Хорошо почивали?

– Очень крепко, благодарю вас, я чувствую себя как дома. Только, правда, дом очень уж велик, – добавила девушка.

– Сереженка прислал справиться о вашем здоровье. Он беспокоится о вас.

– А почему сам не поднялся?

– Неудобно ему. Смущать вас не хочет. К тому же вы совсем не одеты, как подобает.

– Наверное, вы правы, Велина Александровна, – печально заметила девушка, думая о том, что вчера молодого человека ничуть не смущал ее вид, а сегодня он отчего-то не хотел с ней встречаться. Наверное, она ни капли не понравилась ему вчера, и он предложил ей остаться в своем доме только из вежливости. И это осознание отчего-то вызвало в ее душе сожаление.

– Вы опечалились, дорогуша?

– Вовсе нет.

– Расстроились, вижу, – констатировала старушка. – Но не переживайте так. Вот придет к вам мадам портниха, она сегодня утром обещалась быть. И к обеду сможете с ним увидеться.

– Но я не из-за него...

– Ну-ну, – закивала, хитро улыбаясь, Велина Александровна. – Он тоже делал вид, что относится к вам как к обычной гостье. А сам...

– А сам? – подхватила Надя.

– Чем дольше разлука, голубки, чем чувства сильнее будут, – ответила старушка.

– О чем вы? Я не понимаю.

– А мне так все понятно. Сказала теперь, чтобы хоть обед обождать, чтобы увидеть вас. Он ведь сегодня почти не спал, все по спальне ходил и вздыхал, слышала из своей комнаты.

Отчего-то слова Велины Александровны вызвали у девушки некий трепет, и ей подумалось, что молодой человек не спал именно из-за встречи с нею, но это было, конечно же, глупо с ее стороны так думать. Однако бабушка графа вмиг убедила ее в обратном.

– Приглянулись вы Сереженьке, вот он и переживал всю ночь.

– Правда? Вы так думаете? – радостно спросила она, и ее сердце счастливо забилося.

– А то как же. Похожи сильно вы на Лидочку, покойную его жену. Такая же лицом и фигуркой с изяществом.

Это сравнение с умершей не понравилось Наде, нахмурившись, она произнесла:

– Велина Александровна, а фотография у вас... вернее, портрет покойной жены Сергея Михайловича у вас имеется? Я бы хотела взглянуть на нее.

– Есть один в ее спальне, хотя погодите, она же заперта. Еще в картинной галерее висит ее портрет, там она совсем молоденькая, лет восемнадцати, когда замуж за Сережу выходила.

– И вы могли бы мне его показать?

– Если пожелаете, Надежда, – кивнула Велина Александровна. – Вы, дорогая, кушайте побыстрее да портних принимайте. А после обеда мы с вами обязательно прогуляемся по усадьбе. Я вам все покажу. Вы согласны?

– Ой, я очень была бы благодарна вам, Велина Александровна. С балкона такой великолепный вид открывается. Я никогда не бывала в таких больших усадьбах.

Около девяти вновь появилась Дуня с большим серебряным подносом с едой и чаем.

– Принесла, барышня. Горяченькое все, кухарка только изжарила блины для вас.

– Благодарю, Дуняша, ты очень проворна.

– Вы, Надежда Дмитриевна, кушайте, пожалуйста, а то вас уже портнихи в парадной дожидаются, только что прибыли.

– А! Я сейчас, быстро. Скажи уважаемой мадам, что через пять минут я вниз приду.

– Зачем же? – удивилась Дуня. – Мадам портниха и ее девушка сюда поднимутся. Не по рангу вам самой к ним спускаться.

– Не смей меня, Дуня, – ответила Надя, уже обмакивая горячий блин в сметану. – Какой ранг? – она замялась и тут же замолчала, понимая, что сказала лишнее. Но горничная удивленно округлила глаза и вымолвила:

– Как же, барышня? Сергей Михайлович еще вчера всех слуг собрал в людской и объяснил, что вы племянница его компаньона по делам. И чтобы все относились к вам как благородной барышне, потому как вы к этому привыкли.

– Так он сказал? – опешила Надя и, отметив, как Дуня кивнула, уже вздохнув, согласилась: – Хорошо, Дуняша. Я мигом съем два блина, а ты пока позови этих женщин, не надо заставлять их ждать.

– Слушаюсь, барышня.

Через четверть часа в спальне появилась модистка мадам Ломотьё со своей помощницей, а за ними несколько слуг с большими коробками.

– Доброго здравия, барышня, – почтительно сказала модистка с сильным акцентом. – Я Жозефина Ломотьё. Его сиятельство распорядился подобрать вам полный гардероб. Вам придется раздеться, и мы начнем.

– Спасибо, мадам, – ответила Надя.

– За ширму пройдите, Надежда Дмитриевна, – попросила Дуня, – я помогу вам.

– Хорошо, – отозвалась девушка, смущенная всем этим вниманием женщин, которые пытались ей угодить и помочь.

– Две пары платьев я привезла с собой, думаю, мы подгоним под вашу фигуру прямо теперь, – заметила мадам Ломотьё.

Полчаса спустя, сняв мерки, модистка осталась очень довольна, и на ее лице появилась улыбка, значение которой Надя и Дуня поняли чуть позже, когда три из четырех платьев, привезенных с собой мадам оказались впору девушке.

Надя осматривала себя со всех сторон в большом напольном зеркале, которое Дуня выкатила на середину спальни, и длинный наряд стального цвета невероятно нравился ей. Платье, сильно приталенное, с широкой юбкой, оборками на груди и рукавам, с покатыми узкими плечами, имело неглубокий вырез, открывающий верхнюю часть высокой груди девушки.

– Платье прямо как на вас сшито, Надежда Дмитриевна! – всплеснула руками Дуня. – И другие наряды тоже!

– Действительно, как на меня, – кивнула девушка. Она никогда не думала, что ей может понравиться старинная одежда, она более любила короткие платья или шорты со штанами, но это легкое изысканное творение из мягкой тафты было воистину волшебным.

– Господин Чернышев написал в письме, что размеры у вас как у его покойной жены Лидии Ивановны, только вы чуть повыше ее ростом будете. Вот я и привезла те наряды, которые точно были бы вам в пору.

В этот момент на пороге спальни появилась высокая стройная женщина лет двадцати пяти в черном строгом платье, с миловидным лицом и цепким взором. Ее темно-рыжие вьющиеся волосы собирались в затейливый узел на затылке, а ладони, сложенные в замок, лежали впереди на талии. Было заметно, что она является служащей в доме, но явно не служанкой, так как белый передник на ней отсутствовал. Ее неприятный колючий взгляд прошелся сначала по

Наде, которая стояла у зеркала, потом по Дуняше, в этот момент менявшей белье на кровати, и по двум женщинам из салона. Вновь остановив свой взгляд на госте, дама прищурилась.

– Здравствуйте, барышня, – высокомерно произнесла она, краем глаза следя за тем, как модистки начали убирать в коробку четвертое платье, которые не подошло. – Мое имя Злоказова Марья Степановна, я экономка в этом доме.

– День добрый, приятно познакомиться, – поздоровалась Надя и приветливо улыбнулась, понимая, что эта женщина – старшая над всеми слугами в доме, мало того, она заведовала всеми припасами, кухней и уборкой.

Злоказова проигнорировала улыбку девушки и вновь прошла прищуренным взором по Наде. В следующий миг ее брови сошлись к переносице, и она бросила раздраженный взгляд на горничную.

– Авдотья, почему барышня до сих пор не причесана? – недовольно вымолвила она, осматривая густые темные волосы Нади, доходившие почти до талии.

– Ох, простите, Марья Степановна, замешкалась я, – отозвалась Дуня. – Барышня вот примеркой теперь занята.

– Конечно, у тебя, лентяйка, всегда оправдание найдется! – процедила экономка.

– Не надо ругать Дуню, – тут же вмешалась Надя, пытаясь защитить горничную. – Это я ей велела пока не причесывать меня.

Отметив благодарный взор Дуни и злой – экономки, Надя внимательно посмотрела на Марью Степановну, словно предупреждая, что не позволит унижать Дуню в ее присутствии. Экономка поджала губы и с достоинством королевы помпезно проворчала:

– Хочу уведомить вас, Надежда Дмитриевна, обед в этом доме подается в два пополудни. И в эту пору накрывается в кобальтовой столовой. Прошу не опаздывать, граф велел напомнить вам об этом.

– Я поняла вас, – приветливо ответила Надя. – Но разве обязательно надо идти в столовую, могу я поесть здесь?

– Вам нездоровится?

– Нет.

– Тогда следует спуститься в столовую, таков порядок.

– Марья Степановна, могу я называть вас по имени?

– Нет, это неприемлемо, – желчно проскрежетала экономка. – Потому что я не могу называть вас по имени в ответ.

– Почему?

– Это не положено по этикету.

– Что ж, этикет так этикет, – вздохнула Надя и добавила: – Хорошо, я спущусь в столовую. Скажите, Марья Степановна, а на этом обеде много человек будет?

– Если к обеду не пожалуют гости, двое-трое, – ответила экономка.

– Спасибо, а Сергей Михайлович тоже, конечно, будет?

– Не могу знать. Он мне не докладывает о своих планах.

– Я поняла, – кивнула Надя.

В это время модистки уже сложили свои наряды и вещи, и мадам Ломотье сказала:

– Надежда Дмитриевна, мы закончили. Оставляю вам эти три платья. Остальной гардероб пришлю через четыре дня, когда все будет готово.

– Благодарю вас, мадам.

– Я велела слугам, они спустят остальные коробки вниз, – сообщила экономка.

– Да, конечно, – согласилась модистка. – Прощайте.

– Спасибо вам, до свидания, – поблагодарила Надя и кивнула мадам, которая присела в небольшом реверансе и быстро вышла со своей девушкой за дверь.

– Барышня, мне следует зашить ваше платье? Оно снизу сильно порвано, – поинтересовалась Дуня, держащая платье Нади из будущего.

– Вам следует выкинуть этот испорченный наряд, сударыня, – заявила Злоказова.

– Не буду я его выкидывать, оно мне нравится, – ответила Надя уже недовольно. Эта Марья Степановна была уж очень неприятной особой.

– Но оно все равно не годится для ношения, – не унималась экономка. – Хотя как вам будет угодно. К обеденной трапезе не опаздывайте. Кухарка терпеть не может подогреть пищу.

Окинув девушек подозрительным взглядом еще раз, экономка выплыла из спальни, словно царица, задрвав подбородок.

– Какая она сложная, а пафос так и льется из нее, – хмыкнув, сказала Надя Дуняше.

– Не обращайте внимания на ее недовольство, – успокоила, улыбаясь, горничная. – Она всегда такая. Только и указывает всем, что сделать, что неверно. Мы уж привыкли, должность у нее такая вредная, за всем уследить надо, чтобы графья довольны остались. Садитесь лучше к трюмо, барышня, причешу вас. Я как раз корзинку с лентами и шпильками захватила.

– Спасибо, Дуняша, я буду благодарна, если причешешь. А то сама не умею.

Чуть приподнимая длинное платье, Надя осторожно прошествовала к зеркалу, куда указывала горничная, стараясь не запнуться о длинную юбку, пытаюсь быть естественной и не показать, что она никогда не ходила в таких платьях. Присев на мягкий табурет, она повернула лицо к зеркалу, вспоминая, как именно сидели дамы в исторических фильмах, когда их причесывали.

– Ты долго будешь причесывать, Дуня? – спросила Надя, едва горничная начала разделять мягкой щеткой ее волосы.

– Около четверти часа, наверное. Хорошо было бы закрутить пряди.

– Нет не надо, это долго будет. Ты что-нибудь простое сделай, Дуняша, чтобы быстрее.

– Хорошо, Надежда Дмитриевна, тогда просто вверх соберу и цветок из прядей закручу лепестками, у вас густые волосы хорошо будет.

– Спасибо, – кивнула девушка и вновь вспомнила про Злоказову, она была первым человеком за сутки, который не понравился Наде своим неуживчивым характером и злобным взглядом. – И как вы терпите эту Марью Степановну? Такая она все же неприятная мадам.

– Согласна с вами, барышня. А после смерти Лидии Ивановны вовсе несносная стала. Только и шпыняет всех, пытается выслужиться перед Сергеем Михайловичем. Думает, любовь его заслужит.

– Ее можно понять, – пожала плечами Надя. – Она главная над слугами, ей за это платят, ведь так?

– Главная-то главная. Но все знают, что она давно и неистово влюблена в Сергея Михайловича. Слуги говорят, что еще до его женитьбы она за ним хвостом ходила и по каждому вопросу все бегала к нему и спрашивала. А когда он женился, дулась на барина почти несколько месяцев и на всех свою злобу срывала, потом вроде угомонилась. А после смерти барыни снова начала вокруг него мухой назойливой виться. И теперь прямо смешно на нее смотреть, как она из кожи вон лезет, а Сергей Михайлович уже избегает ее. А она все не поймет, что барину не по сердцу.

– Она что, замуж за него хочет?

– Еще бы! Как безумная жаждет замуж за него, душу бы дьяволу отдала за это. Все про то знают. Она же графам дальняя родственница, седьмая вода на киселе. Только Сергей Михайлович в ее сторону и не смотрит. Он жену сильно любил, а по сравнению с ней Марья Степановна – мышьяк серый. Но она-то не хочет этого понимать. Он хвалит ее, а ей кажется, что он влюблен. Вся дворня над ней смеется.

– И что же, он несколько не влюблен в нее?

– Нет, конечно. Он из жалости выслушивает ее доклады и просто очень вежлив по натуре. А она-то жаждет прибрать его к рукам. Мнит себя графиней Чернышевой, думает, что если дворянкой родилась, хоть и нищей, то ей и за барина годно идти, – уже с возмущением сказала Дуня.

– Пусть хоть помечтает, – улыбнулась Надя, отмечая, как Дуняша собрала ее волосы в хвост на затылке и теперь сооружает что-то невозможно красивое на ее голове.

– Я же не мечтаю о барине, хотя тоже вольная, знаю свое место.

– Я рада, что ты не крепостная, Дуняша.

– Да, наш барин, он такой добрый. Каждый год отпускает на волю по десятку дворовых. И мне вольную дал. Благодарствую ему за это. Так исправник каждый год требует от него объяснительной, отчего и зачем он это сделал. Словно жалко ему.

– Дуня, а отчего ты все равно осталась служить в доме? Ты же вольная, можешь куда хочешь идти.

– И зачем мне? – удивилась девушка. – Мне и тут вольготно живется. Работа непыльная, да и графы добрые, таких господ еще поискать надобно. Нравится мне здесь, за свою службу хорошее жалование в месяц получаю. Я и читать, и писать умею. Вот накоплю денег и хочу в медицинские сестры выучиться, в госпитале работать. Это сейчас очень модно среди бедных дворянок. А там, глядишь, и в люди выйду.

– Ты такая молодец, Дуняша, все верно делаешь.

Глава

VI

. Портрет

До обеда время пролетело быстро, сначала с портнихами, потом с прическами и другими приготовлениями и облачениями. Дуня со знанием дела показывала и рассказывала все Наде, помогала, ведь при покойной хозяйке она выучилась всему отменно. Надя, делая вид, что все это прекрасно знает, с неистовым желанием училась всему: какие следует выбирать чулки под платье, как и в какой последовательности надевать многочисленные юбки, корсеты и панталоны, как, наконец, подобрать ленты в прическу в тон платья. Она впитывала все слова Дуняши как губка, понимая, что чем больше узнает, тем более реалистично сможет изобразить барышню девятнадцатого века, которой никогда не была.

Около половины второго она была полностью готова к обеду и теперь осматривала свое отражение в кокетливом платье, с высокой прической, которая придала ее лицу некую величавость и изысканность.

– Ты много знаешь и умеешь, Дуняша, наверняка Лидия Ивановна ценила тебя, – заметила Надя, улыбаясь горничной.

– Вы правы, Надежда Дмитриевна, хочу и вам понравиться, чтобы вы оставили меня подле себя.

– Ты мне уже нравишься, Дуняша, – кивнула Надя. – Лучшей горничной и пожелать нельзя. Ты очень помогаешь мне. – И тихо добавила: – Только тебе скажу. Я ведь провинциалка, в моде совсем не разбираюсь. Батюшка меня всю жизнь в деревне держал, в загородном имении, – придумала тут же девушка. – Не знаю всех премудростей столичных дам.

– Да и у нас тут не столица, – пожалала плечами Дуня, в этот момент аккуратно складывая все принадлежности для прически в небольшую изящную шкатулку. – Однако Лидия Ивановна в Петербурге родилась, все тонкости дамские знала, уж такая она модница и шеголиха была, что все местные воронежские дамы подражали ей. Я уж многое от нее узнала.

– А ты меня научишь, Дуняша? Я очень благодарна тебе буду.

– Как прикажете, барышня, рада только буду помочь вам.

– Спасибо! А как ты думаешь, если я спущусь пораньше в столовую, это будет не по этикету?

– Отчего же, барышня? Но я бы не стала на вашем месте торопиться, дамы обычно чуть опаздывают к трапезе. Это негоже, чтобы они приходили первыми. Мужчины должны ожидать их.

– А когда же тогда идти?

– Ну через полчаса. Я как раз ваши платья уберу и после провожу вас до столовой. Вы же все равно не знаете, куда идти.

– Ох спасибо, тебе. Все же Господь любит меня, таких чудесных людей послал на помощь.

В этот момент на пороге спальни появилась бабушка графа.

– Вижу, вы готовы, дорогуша, – улыбнулась Велина Александровна. – Цвет платья вам к лицу, не такая вы бледная, как вчера. А я за вами. Пойдемте вниз, скоро трапеза, а после покажу вам дом, как и обещалась.

Нервничая и немного дрожа, Надя спустилась за Великой Александровной вниз. Старушка шла медленно, и девушка была благодарна ей. Как-никак ей было непривычно ходить в столь длинном наряде. Она придерживала юбку, приподнимая ее, но не сильно, чтобы не споткнуться, но в то же время, не открывая ног, так объяснила ей Дуня. Мало того, Надя пыталась держать прямо спину и напрягать подбородок, чуть поднимая его вверх. Ведь, как заявила та же горничная, все барышни с рождения учились правильно держать себя, и только по походке и отменной осанке их отличали от простых крестьянских девиц или мещанок. А Надя очень хотела походить на эту самую барышню, это было залогом того, что она и дальше сможет остаться в этом богатом доме, и, возможно, этот «мажор» Сергей, как она ласково теперь звала его про себя, увидит в ней истинную дворянку, наподобие той, какой была его жена. Отчего-то ей хотелось понравиться ему, она помнила его горящий и добрый взор и боялась разочаровать его.

Они вошли в помпезную столовую с накрытым большим столом, а двое слуг в ливреях стояли рядом, готовые прислуживать. Часы на большом изразцовом камине как раз пробили два часа, но более никого в столовой не обнаружилось. Пригласив девушку на диван, Велина Александровна начала расспрашивать ее о семье. Надя, сославшись на то, что многого не помнит от удара головой, односложно отвечала, пытаясь не вызвать подозрений у старушки.

Взволнованная от предстоящей встречи с графом, девушка то и дело нервно теребила ткань платья и боялась, что Сергею Михайловичу не понравится ее вид. Но она надеялась, что он оценит ее теперешнюю внешность, ведь сейчас она походила на тех дам, с которыми он привык общаться.

– Пойдемте к столу, – велела Велина Александровна, когда часы пробили четверть третьего. – Видимо, Сережа занят, потому и не идет.

– Как жаль, – проямлила Надя опечаленно. Она так хотела увидеть его еще с утра, но все обстоятельства словно не позволяли ей этого. Почему она просто не могла пройтись по дому и найти его и поговорить. Но нет, в этом времени подобное выглядело бы не по этикету и вызвало бы осуждение окружающих людей. Оттого она подошла к столу и взялась за спинку стула. Но, мгновенно вспомнив кадр из исторического фильма, быстро убрала руки и позволила слуге, который стоял рядом, отодвинуть ей стул и, после того как она села, придвинуть обратно.

– Может, позже он все же составит нам компанию, – подбодрила ее старушка, тут же отчетливо считав расстройство девушки. – Григорий, голубчик, подавай суп.

Во время трапезы Надя пыталась копировать все действия бабушки графа и почти даже не опозорилась, если не считать однажды упавшей на пол вилки. На это Велина Александровна улыбнулась ей и продолжила есть. За столом молодой граф так и не появился. И Надя как-то печально вздыхала, неистово желая увидеть его.

После, как они и условились, старушка провела ее по всем комнатам и залам. Лишь в правое крыло дворца они не пошли, по словам бабушки графа, комнаты там были пустынные

и заперты, ибо их открывали, только когда в доме на ночь оставались многочисленные гости, например, после грандиозных балов.

Спустя час они уже собирались выйти наружу и прогуляться по саду и усадьбе, но Надя вежливо напомнила старушке про портрет покойной Лидии Ивановны. Так что Велине Александровне все же пришлось провести девушку в правое крыло, так как именно там располагалась картинная галерея. Это была длинная проходная комната, скорее похожая на просторный коридор с высокими потолками и многочисленными окнами по правой стороне. На обитых бордовым шелком стенах и между окнами красовались портреты родственников Чернышевых, а также бывших владельцев усадьбы, написанные в разные годы.

Подведя девушку к одной из картин, которая висела на центральном месте, Велина Александровна холодно заметила:

– Вот и Лидия. Портрет писали сразу же после свадьбы.

С интересом впившись глазами в темноволосую красавицу в светлом открытом платье, Надя отметила бледность и надменное выражение лица, будто та вымученно позировала художнику или же была чем-то недовольна.

– Говорят, Сергей Михайлович очень любил ее? – уточнила девушка. Старушка, стоявшая рядом, прищурившись, недовольно взирала на портрет, словно ей было неприятно смотреть на покойную графиню.

– Любил – и сильно. Все для нее делал, баловал постоянно. Только... – Велина Александровна замялась.

– Только?

– Только не знаю, любила ли она его в ответ так же горячо и всей душой...

– Отчего вы так думаете?

– Дак, видела я все, до свадьбы она хоть немного улыбалась, а после постоянно недовольна была всем.

– А характер у нее все же мирный был и тихий, не так ли?

– Да. Но не всегда недовольство выражается криками. Она была молчалива, но кислого выражения на лице не скрыть, дорогая, – объяснила старушка.

– Может, она болела? Мне кажется, Сергея Михайловича невозможно не любить, он такой... такой... один он такой... не встречала еще я таких мужчин...

– Все верно вы говорите, Надежда, – улыбнулась ей бабушка графа. – Вы тоже чувствуете его, как я. Он невероятно чистый, добрый и любящий. А вот Лидия не хотела замечать этого. И здоровая она была, и Сереженька это говорил. Она ничем и не болела вовсе.

– Но все же она, наверное, как-то по-своему любила его?

– Не думаю. Если бы любила, то дите бы понесла еще в первый год. А посчитай, почти два года они прожили, а она так и не родила. Да еще, знаю, часто в близости ему отказывала.

– А может, у них совместимости не было? – сделала вывод Надя невольно и тут же замолчала, понимая, что говорит как девушка из двадцать первого века.

– Когда души людей предназначены друг другу, как половинки, и всем сердцем любят, зачатие детишек – дело быстрое. Ведь все идет от головы, от мыслей. Если не любишь мужчину, то и мысли будут о том, что его близость противна тебе. Тогда точно в организме и не приживется его семя.

Велина Александровна это так прямо и откровенно сказала, что Надя опешила. Она думала, что в девятнадцатом веке не принято говорить столь открыто обо всем. Но, похоже, старушка была не так проста, как казалось внешне. Явно она многое знала и понимала.

– Сережа очень переживал по этому поводу, что детишек у них нет. И как я только ни утишала его. А теперь уж что говорить, все в прошлом. Пусть покоится с миром.

– А вы уверены, что она умерла? Ведь ее тело не нашли вроде?

– Ох уже эта Дуня, все разболтала, язык без костей, – нахмурилась Велина.

– Нет, она хорошая девушка.

– Хорошая, я и не спорю, – печально улыбнулась старушка. – Но язык у нее все равно без костей. А Лидию действительно не нашли. Легла спать, а наутро ее и след простыл. И никто из слуг не видел, уходила она куда-нибудь или нет. Прямо мистика какая-то. Ее Сереженька полгода искал, и все напрасно! Да никто и не знает, где искать, даже полиция. Видели бы, как он, мой мальчик, переживал, почти не спал, и похудел сильно. Жаль его было, а потом еще этот суд. Ужась один.

– Суд?

– Велина Александровна! – раздался позади них старый голос слуги. И рядом появился Иван. – Барыня, там цветочную рассаду привезли, так садовник спрашивает, как сажать, по прямой или кругами разные цветы?

– Ох, я совсем и позабыла! – всполошилась старушка. – Извините, дорогуша, мне идти надобно. А то цветы-то посадить надо, иначе завянут. А если хотите, потом во двор ступайте. Я через часок освобожусь и могу дальше с вами погулять.

– Спасибо, Велина Александровна. Обо мне не беспокойтесь, занимайтесь своими делами.

– Непременно приходите, милочка, я на улице буду. Вы такая замечательная собеседница.

Слуга ушел вместе со старушкой, и девушка осталась одна в тихой картинной галерее.

Долго Надя стояла у портрета, рассматривая его. Юная графиня в светлом шелковом платье казалась невероятно реалистичной, как будто живой и имела немислимое сходство с ней. Темные волосы Лидии, собранные в высокую кокетливую прическу со множеством локонов, обрамляли прелестное овальное лицо, оттеняя нежные серые глаза и алую линию губ. Но нашлись и отличия: глаза Нади имели шоколадный оттенок, а щеки были не такими пухлыми, как у графини. Однако сильнее всего девушек различали взоры. Взгляд пропавшей был покорный, кроткий и печальный, выражал некую обреченность. А взгляд девушки, стоявшей перед портретом, сиял жизненной силой и позитивом, горя уверенностью в себе.

Желая рассмотреть портрет более тщательно, Надя чуть попятилась, окидывая взором всю фигуру изображенной на холсте женщины. Именно в этот миг она почувствовала чье-то присутствие за спиной.

Глава

VI

I. Граф Сергей

Резко обернувшись, она вперилась взором в графа Чернышева, тот был в изысканном темном сюртуке, светлой рубашке с синим галстуком, светлых полосатых брюках и темных туфлях и стоял всего в трех шагах от нее, а она совсем не услышала его шагов.

Свежевыбритый и импозантный, с соблазняющей улыбкой на красивом лице Сергей Михайлович стоял, распрямив плечи, и его взгляд был до того горяч, что Надя вмиг смутилась, ощущая, как задрожали руки. Это было просто невыносимо, разве мог мужчина на нее так смотреть? С таким вождением и призывом. Это было так непривычно и дико для нее, что Надя, которая редко смущалась, теперь опустила взор и глухо выдохнула:

– День добрый.

– Здравствуйте, Наденька. Я напугал вас? – спросил он тут же бархатным баритоном.

– Нет, – искренне улыбнулась она ему, поднимая глаза и осознавая, что за последние несколько лет он первый мужчина, которому ей хотелось улыбаться так открыто и радостно.

Отчего-то она чувствовала, что он не будет пользоваться ее искренностью и наивностью, и с ним не надо играть некие роли, например, соблазнительницы или стервы. Нет, она чувствовала, что он рад видеть ее настоящую: наивную, трепетную и душевную, – какой она была на

самом деле, какой была в глубине души. И он явно бы не стал пользоваться этим ей во вред. Ведь его чистый теплый взгляд говорил о том, что она по-настоящему приятна и интересна ему.

– К сожалению, я был занят и опоздал на обед. Поверенный, видимо, вознамерился сегодня разрешить все дела на год вперед, – объяснил он свое отсутствие ранее за трапезой.

– Ничего страшного, – пролепетала она ласково.

– И, наверное, оттого что я жаждал вас увидеть. А когда чего-то сильно хочется, судьба отодвигает исполнение желания на более длительный срок.

От его слов по ее телу разлилось что-то очень теплое и ласковое, а от его горящего доброго взгляда она вся затрепетала.

– Как ваше здоровье? И сердце? – обеспокоился он.

– Спасибо, я хорошо чувствую себя сегодня. В вашем доме все так заботятся обо мне, что я позабыла о своих недугах.

– Я весьма рад этому, Наденька. – Он сделал пару шагов к ней и оказался в опасной близости. Вытянув руку, Сергей едва прикоснулся к оборке ее платья на правой груди. – Вы позволите?

Она поняла, что он хочет осмотреть ее сердце, и кивнула. Молодой человек улыбнулся ей и все так же, почти не касаясь ее, расправил ладонь, которая находилась в миллиметре от возвышенности ее груди, и прикрыл глаза. Какое-то странное ощущение легкого тепла вошло в нее в том месте, где едва прикасалась его рука, и уже через миг он резко распахнул глаза и вымолвил:

– Действительно, сегодня ваше сердечко бьется ровно и без сбоев.

Он стоял так близко, и смотрел на нее такими горящим глазами, что девушка взволнованно задышала. Она сглотнула и, решив разрядить напряжение между ними, спросила:

– Сергей Михайлович, как вам мое новое платье, нравится? Мадам Ломотье по вашей просьбе привезла сегодня.

– Очень милое платье и невероятно идет вам, Наденька, – улыбнулся он и, окинув взором ее фигурку в модном наряде, остановился на довольно глубоком вырезе.

– Спасибо.

– В этом платье вы как-то роднее для меня, – заметил он и, чуть склонившись над ней, протянул руку к ее воротничку и проворковал: – Вы позволите?

Она машинально кивнула, не понимая, что позволить? Но отчего-то под его ласковым взглядом была согласна на все. Осторожно он поправил оборку на вырезе ее платья на шее, которая чуть загнулась внутрь. Уже через миг он оказался совсем близко, и его взор стал просто обжигающим. Подчиняясь неистовому порыву, Надя тоже подняла к нему лицо и уже разомкнула губы, чтобы что-то спросить, подбирая слова, но ее голова была в некоем дурмане от его близости, и вместо вопроса она задрожала всем телом. Его близость действовала на нее чрезвычайно возбуждающе, хотя ранее она никогда не замечала за собой такого гипнотического воздействия мужчины на ее разум и тело.

– Знаете ли, я подумал, – произнес он над ней завораживающим баритоном, еще более склоняясь к лицу. – Мы могли бы прогуляться вечером...

– Я... – она не успела договорить, как в следующую секунду оказалась в объятиях молодого человека, а его губы стиснули ее рот очень нежно, но властно.

Отчего-то Надя не испугалась, а наоборот, почувствовала, что хочет того же. Ее существо неистово ждало его поцелуя. Не понимая, что делает, опьяненная и трепещущая, она положила руку на его плечо и сама притиснулась к его груди, отвечая на поцелуй.

В следующий миг он как будто опомнился и, чуть отстранившись от нее, страстно выдохнул над ее губами:

– Просите меня, Наденька! Я виноват. Я не должен был...

Его взор все так же обжигал ее, и он явно не чувствовал своей вины, потому что его руки все так же твердо прижимали ее к груди, а говорил он так, видимо, оттого что приличия этого требовали...

– Нет, ничего не говорите, – она прикрыла его рот пальцами, ощущая, как все ее существо наполняется счастьем от его близости.

Мгновенно считав ее внутренний призыв, он все же выпустил ее из объятий и, обхватив ее руку ладонью, начал осыпать ее пальцы поцелуями, склонив голову. Вновь подняв голову, он, улыбаясь, спросил:

– Вы что же, Наденька, не против?

– Против чего? – вымолвила она в ответ какую-то глупость.

– Моих поцелуев.

– Вовсе нет.

– Если бы вы знали, как мне приятно слышать это из ваших уст, – выпалил он порывисто, широко улыбаясь.

Окончательно смутившись, она опустила взор. Нет, она не чувствовала себя глупо, скорее наоборот, ощущала себя очень правой. Словно все в этот момент между ними было естественно и закономерно. Вчера встретились, сегодня поцеловались. Мда, это было явно ненормально, думалось Наде. Но она не хотела по-другому в этот миг. Она хотела быть рядом с ним и смотреть на него, купаться в его страстном ласковом взгляде, и вообще, ей думалось, что где-то в прошлых жизнях их души точно встретились. Иначе как было объяснить такое дикое влечение к этому мужчине.

Она подумала о том, что было бы чудесно провести с графом оставшийся день, ей так не хотелось расставаться с ним теперь, и в продолжение ее мыслей он вдруг предложил:

– А знаете, милая моя гостья, поедemте нынче со мной в город! Мне надобно к поверенному, а потом заехать в дом призрения, что на Тулиновской улице. Вы бы могли сопровождать меня? Что вы об этом думаете?

Он прочитал ее мысли? Нет, это настоящее волшебство какое-то, подумалось ей.

– Наверное, мне было это интересно. Я бы посмотрела ваш город и его жителей.

– Я тоже так подумал, – кивнул он, подставляя ей локоть. – Ведь вы никогда не бывали в Воронеже, насколько я понял?

– Нет, – ответила она, думая про себя, что в этом времени она не бывала не только в Воронеже, но и где бы то ни было, и предложение Сергея было не просто очень заманчивым, а невероятно желанным, а его компания вообще сказкой.

Как и сказал Чернышев, уже через час он умело правил открытой коляской-двуколкой, проворно погоняя резвую гнедую кобылу, а Надя, сидя рядом с ним на кожаном мягком сиденье, с восторгом рассматривала пробегающий пейзаж и придерживала рукой легкую светлую шляпку, чтобы забияка-ветер ненароком не сдернул ее с головки.

Сергей много говорил том, что у них в городе примечательного и интересного, а когда они въехали в центральную часть города, даже объяснил, чьи они проезжают дома и чем знамениты или интересны хозяева. Ей казалось, что граф знает здесь всех, даже некоторые прохожие, завидев их, или снимали шляпу, или же кланялись.

Она с удовольствием слушала его, и когда он вдруг остановился у небольшого опрятного одноэтажного дома с высоким крыльцом и палисадником, удивленно поняла, что они уже приехали к поверенному. Она зашла вместе с графом внутрь, где приветливый секретарь проводил Чернышева в кабинет хозяина, а Наде предложил выпить ароматного чая с баранками. Она согласилась и, присев за небольшой ажурный столик у открытого окна, осторожно отпивая горячий напиток, начала рассматривать шумную улицу, то и дело кидая взор на секретаря, который что-то упорно и методично писал за своим столом в углу.

Сергей сказал, что его дело займет не более часа, но Наде так здесь нравилось, что она готова была ожидать его хоть до вечера. В этом лазоревом атласном платье, которое было прекрасно и, можно даже сказать, почти удобно, не считая корсета, нещадно давившего ей на ребра, в великолепной шляпке и перчатках, приехавшая на шикарной коляске и теперь отпивающая маленькими глоточками чай, она ощущала себя совершенной барышней из прошлого, и ей это очень нравилось. Ее кокетливая прическа с длинными прямыми локонами, которую в своем времени она бы никогда не решилась сделать даже на выпускной, в этот миг смотрелась невероятно естественно и элегантно, подчеркивая ее статус дворянки. Она так и смотрела на улицу, рассматривая горожан, наслаждаясь прохладой деревянного дома, тогда как на улице стало уже довольно жарко.

В восторге от всего, что нынче с ней происходило, девушка чувствовала себя героиней исторического кино или книжного романа, только с тем маленьким уточнением, что окружающие ее городские картины и жители были реальны. Она с интересом рассматривала прохожих кумушек и провинциальных дворян, пробегающих босоногих крестьянских мальчишек, смешного секретаря в углу, похожего на нахохлившегося воробья, городского, который важно прохаживался по улице и следил за порядком, и ей казалось, что все эти люди гораздо добрее и проще, чем ее современники из двадцать первого века.

Возможно, оттого что окружающие ее теперь люди еще не жили в индустриальном мире, где главное было заработать деньги, успеть на уходящий поезд и вообще урвать от жизни побольше, затрачивая наименьшее количество сил. Нет, в этих людях было что-то глубокое, древнее и понятное. Именно духовная составляющая их натуры еще не до конца была потеряна, и они понимали ценность истинных человеческих качеств и добрых бескорыстных поступков, а не превозносили превыше всего вещи и звенящие монеты.

Довольная и умиротворенная, распивая ароматный чай, Надя все же ощущала, что нечто гложет ее существо. Это было осознание того, что ей здесь не место, что это не ее время и она не должна находиться здесь. Из фантастических фильмов она знала, что любой появившийся в прошлом человек из будущего мог одним неловким поступком изменить ход истории, но совсем не хотела, чтобы ее персона как-то на это повлияла. Но чувства того, что она хочет домой, тоже не было совершенно. Ей нравилось здесь, люди были приветливы с ней и милы.

Что ей было делать в будущем? В ее окружении были одни холодные люди, которые не особо отличались эмоциями и уж тем более широтой души. Ни ее подруги, ни мать, ни одноклассники не были простыми, их жизнь казалась сложной и нервной, как и они сами. Но винить их было нельзя, они дети своего времени, такие же холодные, расчетливые, поверхностные и жадные до денег, как и все общество ее века, которое давно уже жило по законам не душевным, а телесным.

А здесь ей нравилось, и она думала о том, что вполне может прижиться в этом времени. Непременно в ближайшие месяцы, чтобы не быть обузой для графа, она поищет себе какую-нибудь работу, например, того же секретаря или гувернантки, но все это могло случиться, только если ей не удастся вернуться в свое время.

Но она понимала, что попасть в будущее ей все же необходимо, разум требовал этого, ибо ее дальнейшее присутствие в XIX веке могло плачевно сказаться на будущем. Вдруг что-то нарушится? И теперь, вздыхая, Надя обреченно думала о том, что же можно было предпринять для этого. Кто мог помочь ей? Кто мог бы вернуть ее в будущее? Вообще, кто мог хотя бы объяснить, отчего она попала сюда? Так и ожидая Сергея за чашкой чая в большой приемной комнате, девушка подумала о том, что хорошо было бы найти какого-нибудь провидца или ведьму в этом времени, которые бы могли помочь ей, но где их искать?

Глава

VI

II. Родственник

Спустя час с небольшим Сергей появился в приемной и, улыбнувшись девушке, увлек ее вновь на улицу. Они направились на двуколке, далее по своему маршруту и спустя полчаса оказались у дома призрения, в котором обитали старики и калеки. Со слов Чернышева, Надя поняла, что граф был попечителем и содержателем этого заведения, а три года назад подарил это довольно просторное двухэтажное здание городу. Потому здесь графа считали за благодетеля, ибо ежегодно он выделял довольно значительные деньги для содержания этого богоугодного места.

Когда они вошли в парадную, их встретил один из служащих и тут же, раскланявшись, побежал за главным смотрителем заведения, оставив молодых людей в небольшой прихожей.

В доме призрения они провели около двух часов. И Надя было искренне удивлена тем, с каким почтением и добротой смотрят все обитатели этого приюта на Сергея Михайловича. Начиная от главного смотрителя до последнего служащего, все относились к молодому человеку очень радушно, можно сказать, трепетно. Даже калеки, которых они посетили, говорили с графом дружелюбно и глубоким уважением. Это было удивительно для Нади, потому что она думала, что нищие несчастные люди могут лишь завидовать богатым, но в этом заведении это было не так. Граф же, в свою очередь, тоже был мил и великодушен и по-доброму говорил со всеми, кто этого хотел, не разделяя людей по каким-либо параметрам.

Чуть позже они вышли из дома призрения и направились к своей коляске, Наденька, которая шла, опираясь на локоть графа, вдруг не удержалась и заметила:

– Вас здесь очень любят.

– Вы это заметили, Наденька?

– Да. И это удивительно. Я думала, богатым только завидуют, а за спиной ругают.

– Ни разу никто не ругал меня.

– Скажите, Сергей Михайлович, этот дом призрения вами построен, как я поняла?

– Да, на мои сбережения.

– А еще для города вы что-нибудь строили? Дарили?

– Конечно, а как же, – кивнул он просто. – Детскую больницу на Алексеевском спуске, еще мост через реку у городской черты. Я, знаете ли, люблю, когда денег хватает на все мои проекты.

– И вам не жалко тратить свои деньги на все это?

– Мои деньги?

– Ну, ваши богатства?

– Нет, – не задумываясь ответил он. – Тем более это не мои богатства, как вы выразились, милая. Богатые люди поставлены Господом на эту землю затем, чтобы помогать обездоленным и малоимущим, разве не так?

– Ну, не знаю, – немного опешила она от его речей.

– А я знаю. Чем больше отдаешь и делаешь добра, тем более тебе и возвращается.

– Но вы могли бы потратить эти деньги на себя.

– И купить вместо одной коляски три? – пошутил он. – Не думаю, что это мне надо. Ведь сиделище у меня одно.

– Вы удивительный человек.

– То же я могу сказать и о вас, Наденька.

– Нет, я обычная.

– Неправда. Вы восхитительная, трепетная и очень красивая. И я чувствую вашу душу, она искрящаяся, ласковая и теплая...

После таких красивых слов Надя затрепетала и ощутила, что если и дальше так пойдет, то она втрескается в этого мужчину, который был ну просто нереальным принцем из сказки.

Они подошли к коляске, и он подал ей руку, чтобы помочь подняться на подножку. Но она, запутавшись в непривычной юбке, оступилась и едва не упала. Сергей проворно придержал ее за талию.

– Ох, спасибо, – улыбнулась она. – Что-то я замечталась.

– Осторожнее, Наденька, – ответил он, но она подумала, что вряд ли он понял, отчего она запнулась, ведь ей было непривычно в этом длинном платье.

Когда же она вновь встала на ноги, Чернышев не опустил своей руки с ее стана, а наоборот, еще сильнее притянул к себе. Она подняла на него лицо и опять утонула в его поглощающем завораживающем взгляде. Ощущая, что он вновь хочет поцеловать ее, она сама подавалась к нему всем телом, но тут рядом закричали игравшие мальчишки. Момент был упущен, и Сергей мгновенно опомнился и чуть отодвинулся от нее.

– Простите, – произнес молодой человек.

В следующий миг он умело и легко приподнял ее над землей, прижав к себе за талию, быстро взобрался по подножкам и поставил девушку в коляску. Опешив, она быстро плюхнулась на сиденье и вымолвила:

– Благодарю.

Сергей уселся рядом, захлопнув дверку и взяв в руки вожжи. Бросив на девушку внимательный, обеспокоенный взгляд, он сказал:

– Простите, Наденька. Но мне очень этого хотелось.

– Э, – она замялась, понимая, что для него и этого века то был вызывающий поступок, ведь все произошло на людях, а они не женаты.

– Я должен извиниться, мое поведение, конечно, странно и недопустимо, я знаю о том. Но что-то со мной происходит, – дернув вожжи, он подхлестнул лошадь. – Я и сам не понимаю. Едва приближаюсь к вам, как меня охватывает... – он замялся.

Надя из-под ресниц внимательно смотрела на него, сама пребывая в смущении от его поведения и слов. Никогда такого не было, чтобы мужчина, находясь на близком расстоянии, пытался немедля прикоснуться к ней.

– Вы вызываете во мне... – он вновь попытался объяснить свои чувства по отношению к ней, но явно не мог подобрать нужных слов.

– Я понимаю, можете не объяснять, Сергей Михайлович, – кивнула она.

– Неужели?

Он обрадованно заглянул ей в лицо, довольный тем, что ему не надо говорить, как его сердце сейчас бешено билось от ее близости, а ему казалось, что, кроме нее, нет ничего в этом мире.

– Я напоминаю вам вашу покойную жену, и вам кажется, что она рядом, – промямлила она тихо.

После ее слов улыбка исчезла с его красивого лица, а брови сошлись к переносице.

– И вовсе нет. С чего вы взяли это? – спросил он мрачно.

– Разве это не так?

– Нет, – твердо ответил Чернышев.

– Но Дуня сказала, что я очень похожа на Лидию Ивановну, и портрет я видела.

– Глупости! – буркнул он и отвернулся от нее, понукая лошадь. – Вы совершенно не похожи на нее.

– Похожа, иначе бы вы не чувствовали того влечения ко мне, которое ощущаете сейчас.

– Не похожи, я вам говорю! – возмутился Сергей, и девушка впервые за время знакомства услышала, как он повысил голос. Видимо, она действительно задела его своими словами. – И что вы все заладили, не пойму. Не похожи вы, Наденька, на Лидию ни капли. Даже внешне!

– Правда?

– Да. Лидия бы в жизни не стала на меня так долго и призывно смотреть, как вы теперь. Она бы вмиг опустила глаза в пол. Да и не целовала она меня в ответ, только губы подставляла. И то в темноте, словно боялась чего! Вы совсем другая, а в галерее поутру так прижались ко мне, что я чувствовал, как бьется ваше сердце. Вы не смущаетесь от моих взоров и так открыты, это я чувствую, как мне хочется... – он вновь замаялся и закрыл рот, осознавая, что не стоит говорить об этом теперь в коляске на улице, где их могли услышать посторонние.

Тут же как-то по-мальчишески смутившись, граф вновь отвернулся к лошади.

– Спасибо, – промямлила Надя глухо, смотря на свои задрожавшие руки. – Лидия была скромница, а я, по-вашему, блудница.

– Я разве так сказал? – выпалил он, стремительно оборачиваясь к ней.

– Нет, но мне кажется, что вы относитесь ко мне именно так.

– Что за вздор?! Вы совсем не поняли, о чем я вам сказал! – возмутился он гневно.

– Наверное, – вздохнула она.

Еще ни один мужчина так не действовал на нее и не говорил подобных слов. Отчего-то в этот миг ей казалось, что она знает его уже много лет и всегда знала. Как будто он был ей до такой степени родным, что его взоры и действия закономерны по отношению к ней. А она только и жаждала быть как можно ближе к нему, и это даже не интимное влечение, а нечто другое – ей хотелось, чтобы он находился рядом, хотелось просто ощущать его присутствие.

Они замолчали, и лишь спустя время, когда выехали на прямую дорогу, ведущую к усадьбе, Чернышев бросил на нее взгляд, в котором было уже спокойствие и ласка.

– Простите меня, я погорячился.

– Я и не в обиде, – улыбнулась ему Надя.

– В вас есть что-то невозможно привлекательное, такое, отчего меня тянет к вам словно магнитом, и я не могу сдержаться. Вы как будто всегда были рядом, вы словно родная мне.

– И мне так кажется, – кивнула она, вновь поразившись, похоже, он читал ее мысли.

– Хотите знать, что я о вас думаю? – спросил он вдруг.

– Э... – она замаялась, окончательно опешив. – Ну, говорите...

– Вы совершенно непосредственны и дивны, говорите, что думаете, смотрите открыто, а главное, не смущаетесь от каждого моего взора. Вы порывисты, и ваш нрав очень импонирует мне своей резвостью и какой-то детской бесшабашностью. В вас нет жеманства и ложной скромности, вы не зажаты и ведете себя естественно. И мне это невероятно нравится.

– Еще никто так лестно не оценивал меня, Сергей Михайлович.

– К тому же, Надежда Дмитриевна, у вас несравненные теплые ореховые глаза, которые вовсе не похожи на холодноватые серые глаза моей покойной жены, – продолжал он, в возбуждении сверкая на нее своими голубыми очами и ласково улыбаясь.

– Я рада, что вы нашли столько отличий.

– Я и не искал. Вы другая, лишь вначале мне показалось, что вы похожи. Но это не так. Я могу продолжать?

– Наверное.

– У вас густые шелковистые волосы, которые слава Богу вы не завиваете, и эта высокая простая прическа вам очень идет. Хотя вчера, когда ваши волосы были распущены, мне нравилось гораздо больше, вы были так естественны, но я понимаю, что на люди не стоит так выходить. А еще вы обладаете соблазнительной изящной фигурой с тонкой талией и чарующе прелестными ногами...

– Мда, – подняла Надя брови вверх и усмехнулась. – Вы все вчера прекрасно рассмотрели, пока я бегала полуодетая по спальне.

– Вот именно! – оскалился он по-доброму в ответ.

– Вчера вы смущались от вида моих ног, а сейчас заявляете мне об их прелести прямо в лицо. Прогресс, однако.

– Вы правы! Со вчерашнего дня я чувствую, как мое сердце вновь ожило, а существо наполнено такой жадой творить и действовать, что это невероятно вдохновляет!

– И что же вы собираетесь творить?

– Хм, когда-нибудь я вам обязательно расскажу, Наденька.

От его слов и комплементов, она вся наполнилась радостью. Почувствовала, что говорит он очень искреннее, а ее сердце трепетно билось в ответ, и она не могла поверить в происходящее. Этот мужчина, такой приятный, добрый, привлекательный, говорящий все эти чудесные слова, просто не мог быть реальностью. Но, похоже, в этом времени она все же выиграла какой-то лотерейный билет, раз встретила его.

– Могу я взять вас под руку? – поинтересовалась девушка.

– Конечно же, душа моя, – улыбнулся он довольно и поднял локоть, удерживая сильными руками вожжи. Она улыбнулась ему в ответ и просунула ладонь под его локоть, а он прижал руку к себе. Придвинувшись к его боку, она чуть склонила голову к нему на плечо. На эти действия девушки Сергей счастливо рассмеялся и кивнул. – Вы правы, Наденька, так гораздо приятнее сидеть рядом...

Он склонил голову и легко поцеловал ее в лоб. Снова смотря на дорогу, он спросил:

– Могу я обращаться к вам на «ты»?

– Да.

– Чудесно, душа моя.

К ужину Надя переделалась в вечернее платье цвета сольферино, ярко-сиреневого оттенка, модного в то время, более открытое и кокетливое, как и полагалось по этикету. Около восьми в сопровождении Дуни, которая собралась в прачечную, она вышла из спальни. Девушки направились к лестнице, но Надя вдруг остановилась и, указав на одну из дверей, спросила:

– Мне помнится, про эту комнату говорила мне Велина Александровна. Эта же спальня покойной Лидии Ивановны, Дуня?

– Да.

Отчего-то Надя подумала о том, что, возможно, в комнате она найдет нечто такое, что прольет свет на исчезновение и смерть графини. Так подсказывало ей внутреннее чутье. А она очень хотела узнать всю правду, ведь это все было связано с Сергеем, который стал далеко не безразличен ей.

– А можно туда зайти? – поинтересовалась она, приблизившись к спальне и дергая ручку, но дверь оказалась заперта.

– Никак нет-с, барышня. Сергей Михайлович запретил ее открывать. И ключи только у нашей экономки, Марьи Степановны.

Нахмурившись, девушка поняливо кивнула и поспешила к лестнице, не желая опоздать на ужин, который, как сказал граф, подают в восемь вечера.

В гранатовой столовой на вечерней трапезе присутствовали граф, Велина Александровна, Марья Степановна и Надя. За столом царил добродушная атмосфера, даже несмотря на то, что лицо экономки было мраморно неподвижно, и она упорно молчала, то и дело недовольно зыря в сторону Нади, которая с аппетитом ела. Сергей и Велина Александровна рассказывали о соседях, о своем имении и об интересных мероприятиях, происходящих в городе в эту пору. А девушка с интересом спрашивала их и поддерживала разговор.

Все было спокойно до того момента, пока в середине трапезы в столовую не вошел высокий худой франт с ехидной усмешкой на красивом лице и колючим взором, одетый в модный костюм: синий сюртук, желтый жилет, светлые рубашку и брюки. Он быстро прошел внутрь обеденной залы и, оглядев всех, остановил удивленный взгляд на Наде.

– Приветствую вас, сударыня! – сказал он кратко.

– Аркаша! Вот и ты! Здравствуй, дорогой, – воскликнула приветливо Велина Александровна и представила его: – Это Аркадий Иванович Бакунин, братец Лидочки. Надежда Дмитриевна, наша гостья, племянница Ивана Карловича Тургалева, партнера Сережи по делам, из Екатеринбурга.

– Очень приятно, мадемуазель, – кивнул Аркадий, подходя к девушке и протягивая ей руку.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась Надя, чуть замешкавшись, но быстро подала ему ладонь.

Аркадий дежурно чмокнул ее пальцы и, отодвинув стул, по-свойски уселся рядом с девушкой напротив Велины Александровны.

– Мы уж тебя потеряли. Три дня носа домой не кажешь, – заметила старушка.

– Я не маленький все же, Велина Александровна, – огрызнулся молодой человек, которому на вид было не более двадцати пяти лет. – И не обязан отчитываться в том, где провожу время.

– Не обязан, Аркадий, – заявил Сергей спокойно, но как-то предостерегающе. – Но раз проживаешь в этом доме, должен уважать здешних обитателей. Трудно было, что ли, записку оставить? И не пропадать вовсе? Бабушка волновалась за тебя.

– Ах-ах, какие все волнительные, – буркнул Бакунин и на вопрос слуги ответил: – Жаркого только и картофеля положи, любезный. – Лакей быстро положил указанное в его тарелку и, поклонившись, вновь отошел от стола. – Вы бы так о моей покойной сестрице при жизни волновались, Сергей Михайлович. Может, она жива бы была.

– Ты опять начал, Аркадий? – нахмурился Сергей. И Надя впервые увидела, как лицо графа сделалось озабоченным и печальным.

– Да опять! – выпалил Аркадий и бросил на Чернышева злой взор. – Некоторым господам, как я посмотрю, можно все, даже руки распускать на жен, и ничего им за это не бывает.

– Аркаша, ну зачем ты опять поднял эту старую историю. Мы же уже всё выяснили. И все твои обвинения против Серёженьки не подтвердились, – заметила Велина Александровна.

– Конечно, не подтвердились! – не унимался Бакунин. – Он купил судей, оттого мои показания не помогли свершиться правосудию!

– Вот те на, – опешил Сергей и на гневный окрик Аркадия спокойно ответил: – Это что, твои новые выдумки, Аркадий Иванович? Какие подкупы? Зачем это мне?

– Знаешь зачем!

– Ну, полно прекратите, – возмутилась старушка. – Что ж вы перед нашей гостей свои недовольства выказываете друг другу, что она подумает о нас?

– Извините, Надежда Дмитриевна, – обратился Бакунин к девушке. – Но в этом доме творятся такие вещи, что жить тут опасно.

– Так не живи, – отрезал Чернышев. – Твоя же сестра просила позаботиться о тебе. И я ни разу не попрекнул тебя ничем.

– Моя сестрица была ангелом во плоти! И мухи не обидела. А умерла как черт знает что! Даже не похоронена нигде!

– Я не держу тебя в своем доме, Аркадий, – тут же парировал Сергей. – Не по нраву – уходи.

– Мне некуда идти, и ты о том прекрасно знаешь, Сергей Михайлович! – вскричал Бакунин, переходя на фальцет. – Вы же, милостивый государь, прикарманили все мои деньги после смерти Лидочки!

– Таково было ее завещание, – пожал плечами граф. – Хотя я думаю, что, если ты озвучишь мне сумму, я выдам ее, и ты сможешь уехать из моего дома. Раз мы так противны тебе.

– Это и дом Никиты Михайловича. И он мой друг! И я живу здесь и по его милости тоже!

Увидев удивленный взгляд девушки, Велина Александровна вымученно улыбнулась и объяснила:

– Это родной братец Сереженьки. Никита тоже мой внук. Он нынче в отъезде, в столице, но скоро обещался быть.

– Так ты готов назвать сумму, Аркадий? – поинтересовался строго граф, и Надя впервые увидела жесткость в его взоре. – Мне, право, надоели твои постоянные претензии.

– Ладно, так уж и быть! – ответил Бакунин. – Я подумаю и озвучу. Но не думай, Сергей Михайлович, что это будет маленькая сумма! Посмотрим, какой ты щедрый, такой, как все говорят, или нет?

– Считаю, я подожду. А теперь будь добр перестань перед нашей гостьей высказывать свои недовольства. На ней и так уже лица нет.

– Конечно, Надежда Дмитриевна, правда порой бывает неприятной, – бросил колко Бакунин.

– Довольно, Аркадий! – уже вспыхнул Сергей, бросив вилку на стол. – Если тебе угодно, мы немедленно пройдем в мой кабинет и там все обсудим.

– Нет уж, уволь. Я голоден и не хочу ничего обсуждать.

– Тогда довольно гадких слов и будь любезен ешь! – насутился Сергей, думая о том, что девушка наверняка после слов этого повесы думает о нем бог весть что. И это действовало ему на нервы.

Далее ужин проходил уже более спокойно. И в основном говорили о недавних беспорядках в губернии. Вот уже какой год антиалкогольные бунты сотрясали не только соседние, но и дальние губернии империи. Крестьяне поголовно отказывались пить вино и водку, а в некоторых городах даже громили трактиры, питейные заведения и требовали запретить продажу водки, на которой наживаются откупщики. Поначалу власти надеялись быстро утихомирить народ, но у них ничего не вышло, и в некоторых городах бунты достигли такого размаха, что, например, в Вольске бунтовщики даже побили полицейский отряд, посланный на их усмирение, и разгромили тюрьму, выпустив на волю заключенных.

Даже Марья Степановна, которая до этого молчала, кисло высказалась:

– И не пойму, чего этим крестьянам надо? Не верю, что они трезвыми решили ходить!

– Они и ходили трезвыми. Только по праздникам и выпивали немного, – ответил Сергей.

– Согласен, – кивнул Аркадий. – Вы, Марья Степановна, очень мало общаетесь с простыми людьми. А я, знаете ли, постоянно по деревням таскаюсь, нужно же лошадей продавать. Так беспробудных пьяниц единицы.

– Верно, – поддержал граф. – Просто откупщики совсем совесть потеряли, цены взвинтили. А мужики все верно сделали, начали бойкот.

– Уже второй год, как наши три села и все в уезде деревни отказались от водки и вина. И трезвыми ходят. А власти от этого и бесятся, – заметила Велина Александровна.

– Конечно, в казну деньги от продажи спиртного не поступают, – добавил Чернышев. – Посчитай кругленькая сумма выходит. Вот и начали власти всякие запреты на трезвость вводить. Наплевать им на людей, главное, побольше налогов получить.

После ужина Велена Александровна проводила девушку до ее спальни и уже у дверей сказала:

– Вы, Надежда, не подумайте ничего такого про нашего Аркадия. Он ведь не плохой. Только не везет ему в жизни.

– Почему?

– Покойный отец его и Лидочки оставил все свое состояние именно ей. А ему вообще ничего, ни копейки. Поговаривают, что незадолго до смерти батюшки Аркадий сильно повздорил с ним, и тот угрожал лишить его всего наследства, да так и сделал. И все Лидочке отписал,

мы об этом только из завещания покойного узнали два года назад. Уж так гневался Аркадий на отца, не приведи Господи.

– Печально, жаль его, – согласилась Надя.

– Потому Лидия и попросила Сережу взять на жительство к нам Аркадия. Все-таки их дом достался покойной вдове, второй жене его бабушки, а с ней у Аркадия еще хуже отношения.

– Но здесь ему вроде рады, мне так показалось.

– Вы правы. Но Аркадий хочет все же свою долю. Очень он надеялся, что Лидия переписет на него часть наследства, и просил ее и даже пару раз бранился с сестрой из-за этого. Но она говорила, что не может нарушить волю отца. Однако добавляла, что написала завещание и после ее смерти Аркадий получит то, что хочет, ведь на том свете ей уже будет все равно. Вот только умерла она быстро. И я видела, как Аркадий надеялся, что после ее смерти наконец разбогатеет, но, как адвокат прочел завещание Лидочки, все ахнули, ибо она все свое состояние завещала мужу Сереженьке. Уж как тогда кричал бедный Аркаша. И говорил, что это заговор против него! Но это, конечно, глупости, все его любят в этом доме, и никто не замыслил ничего против него. Такова Лидочкина воля была, мы ее и сами не ведали до ее смерти.

Глава

I

Х. Правое крыло

Отчего-то Наде совсем не хотелось спать. Теперь она стояла в одной ночной сорочке, доходившей ей до пят, на своем небольшом балкончике и вдыхала легкий аромат душистых летних трав и цветов, окидывая трепетным взором окружающий ее пейзаж. Уже было около полуночи и ночной мрак спустился на сад и окрестности усадьбы. Но девушка мечтательно вспоминала события сегодняшнего дня и чувствовала, что этот новый мир, точнее, давно минувший век встретил ее хорошо и приветливо.

Весь ее день прошел как в каком-то необычном историческом кино: с изысканными старинными нарядами, с увлекательной поездкой в двуколке, с изучением жизни, протекавшей два века назад, трапезами в огромной зале дворца и с людьми, которые изъяснялись очень вежливо, даже тогда, когда им хотелось послать друг друга на три буквы. Именно это и ошутила она, когда Сергей и Аркадий спорили за столом.

Все эти впечатления вызывали в ее сердце некую эйфорию, и, она словно ребенок, которого вывезли в сказочную страну, смотрела на все с диким восторгом. Но более всего во всем этом ее впечатлял граф Сергей, который уже так прочно вошел со своим мужским шармом в ее сердце, что Надя опасалась неистово и дико влюбиться в молодого человека, который казался ей идеальным. Его мужественная красота, чудесный характер, добрые глаза и трепетное отношение к ней были до того привлекательны, что она в эти два дня боялась поверить в реальность существования подобного мужчины. Нет в их XXI веке таких мужчин точно не было, по крайней мере, она таких ни разу не встречала.

Лишь одно омрачало эту сказочную историческую реальность – смерть жены графа Лидии. Причем смерть эта была странной и уж очень подозрительной. Надя любила читать и смотреть детективы в своем времени, особенно Агаты Кристи. И ей отчего-то казалось, что умерла графиня неспроста, на это указывало и то, что до сих пор тело ее не было найдено. За два неполных дня Надя отметила не менее двух человек, которым явно было на руку исчезновение графини.

Первой подозреваемой числилась у Нади неприятная экономка, а вторым – Аркадий Бакунин. Марья Степановна была по уши влюблена в молодого графа, ибо ее страстные взоры за ужином девушка отчетливо заметила, а второй наверняка был одержим получением наследства. Но самым печальным был тот факт, что несколько людей открыто обвиняли ее притягательного сексуального Сережу в убийстве жены. Но Надя не думала, что к убийству жены он

причастен. Его взор был слишком открыт и добр, чтобы он смог причинить кому бы то ни было вред.

Она долгое время стояла у перил балконной балюстрады, размышляя над всем, что случилось с ней за эти двое суток, как вдруг невольно увидела сбоку в окнах дворца странный свет. Ее балкон располагался во внутреннем дворе особняка. Здесь было тихо и более спокойно, чем в комнатах, выходящих окнами на шумную улицу, которая простиралась в трехстах метрах от дома за чугунной оградой. С места, где она стояла, хорошо просматривалось правое крыло дома, возведенное перпендикулярно главному фасаду.

Неожиданно девушка заметила в окнах второго этажа правого крыла свет. Было явственно видно, что кто-то идет через анфиладу комнат со свечой или канделябром в руке, и свет перемещается вперед, переходя из одной комнаты в другую.

Удивленно следя за огоньком, Надя нахмурилась, не понимая, кто это мог быть. Ведь и Велина Александровна и Дуня ее заверили, что в том крыле никто не живет, и прибираются там только один раз в неделю, а все комнаты закрыты на замок. Однако этот кто-то шел по коридору, но зачем? Это точно не была одна из горничных, которые ходили туда убираться, потому что стояла полночь, но кто тогда? Надя не понимала, но очень хотела понять. Свет достиг крайних окон и исчез. Девушка же напряженным взором смотрела на то последнее окно, где свет погас, ожидая чего-то. Но более ничего не произошло.

Простояв на балконе около получаса и чуть озябнув, Надя вошла в комнату и, потушив свечу, стоящую на прикроватном столике, легла на широкую постель. Белье на кровати было накрахмаленным, но на удивление шелковистым, и девушка, уже засыпая, думала о том, что в эти времена, где не было электричества и водопровода, люди знали какие-то хитрости, позволяющие сделать подобное чудо с простынями и наволочкой, отчего ей казалось, что она лежит в мягком воздушном облаке, обволакиваемая нежной тканью.

Она ощущала, что ноги и руки не слушаются ее, и она лежит на некоем твердом ложе, похожем на плоский холодный камень. Глаза ее были закрыты, и Надя как будто смотрела на себя со стороны. Недвижимая в своем выпускном платье, она находилась на камне в небольшой комнатушке, а над ней стоял лохматый старик. Он был одет в простую, оборванную одежду, в темные штаны и свободную подпоясанную рубаху. Старик склонился над ней, словно рассматривая, и Надя вновь перенеслась в тело, лежащее на камне. И тут она распахнула глаза и увидела его морщинистое лицо, отталкивающее, с горящими глазами. Он поднял руку, прикоснувшись к ее лицу, и Надя инстинктивно ощутила дикий страх, который пронзил ее существо. Ее губы раскрылись, и из ее горла вырвался яростный крик.

Надя отчаянно завопила и, тут же проснувшись, села на кровати. У комода стояла Дуня, которая аккуратно и тихо раскладывала ее белье в верхнем ящике комода. Надя уставилась осоловелым взором на горничную, которая испуганно смотрела на нее, и поняла, что это был всего лишь кошмар.

– Вам приснилось что-то плохое, барышня? – спросила участливо Дуня, оставив белье и быстро подойдя к кровати.

– Да... – кивнула та и упала обратно на подушку, прикрыв глаза и благодаря ангела-хранителя за то, что это всего лишь дурной сон.

– Ох, ну и напугали вы меня, Надежда Дмитриевна! – склонилась над ней Дуня.

Открыв глаза, Надя посмотрела в приветливое лицо горничной и вздохнула.

– Сколько времени?

– Почти семь доходит, – ответила Дуня.

– Ты так рано пришла?

– Марья Степановна всех девок работных еще засветло поднимает. Ведь служба у нас шестнадцать часов. Спасибо вам, барышня, вы меня вчера сразу после ужина отпустили, хоть выспалась я всласть.

– А выходные у вас бывают? – уточнила Надя, вновь садясь на постели и зевая.

– Выходные? Нет, что вы! Нам бы хоть час лишний свободный подарили, мы и тому рады. Я вот у вас уже с шести часов прибираю в комнате, старалась не шуметь, а все равно разбудила.

– Да нет, Дуняша, что ты. Если бы не кошмар, я бы не проснулась. Ты тут ни при чем.

Встав с кровати, Надя медленно приблизилась к трюмо и, осматривая свое заспанное лицо в зеркале, поинтересовалась:

– Скажи, Дуня, а в правом крыле кто-то все же живет?

– Нет, барышня, – ответила горничная, которая в этот момент начала заправлять постель.

– Точно?

– Да.

– А какие там комнаты?

– В основном спальни, две гостиные и галерея.

– И туда никто не ходит? – спросила Надя.

– Да, в то крыло редко ходят. Девки-служанки убирают там только раз в неделю, по четвергам.

– Дуня, а знаешь, я вчера ночью видела там свет, когда стояла на балкончике.

– Не может того быть.

– Точно тебе говорю! Около полуночи.

– Вам, наверное, показалось, барышня. Те комнаты открывают, когда большой прием какой устраивают графы. А так там все заперто на ключ, а ключи только у Марьи Степановны.

– И это очень, очень странно, Дуня.

– Почему?

– Потому что свет мне не привиделся, и там действительно кто-то ходил по этим комнатам, и ночью.

– Я бы на вашем месте, барышня, не думала об этих странностях. Как бы у вас помутнения рассудка не случилось, как у покойной графини.

– Ты что-то знаешь?

– Нет. Но покойная Лидия Ивановна перед своим исчезновением тоже о разных небылицах говорила, о каком-то старике, и вообще, о том, что не любит ее здесь никто.

От слов горничной Надя напряглась и быстро вымолила:

– Давай больше не будем говорить об этом, а то я что-то нервничать начала.

– Как прикажете, барышня.

– А знаешь, милая, скажи мне, ты случайно не знаешь какую-нибудь здешнюю ведьму или знахаря?

– Ведьму? – опешила горничная.

– Ну да, кого-то, кто умеет всякие чудеса делать? Например, гадать искусно или ворожить?

– Нет, не знаю. Правда, слышала про одну полоумную вдову, она на окраине живет, слышала, что ее от церкви отлучили за то, что она с потусторонними силами знается.

– Правда?

– Сама-то я к ней не ходила, но девки дворовые сказывали, что она якобы умерших видит и говорит с ними.

– А ты могла бы узнать о ней поподробнее. Где она точно живет? И можно ли к ней прийти?

– Как прикажете, барышня. Вы про умерших узнать хотите?

– Ну да, и не только, – кивнула Надя, мрачней.

Она думала о том, что хоть с чего-то надо начинать свое возвращение домой. Хотя бы с этой вдовы, может, она что-то знает про перемещение во времени или, по крайней мере, скажет, кто может об этом знать. Хотя девушке и нравилось здесь, она понимала, что не должна находиться в этом времени. Ведь в любой миг она могла нарушить шаткий баланс и повернуть исторические события в другое русло, разум твердил, что ее долг – попытаться немедленно вернуться домой, а не нежиться от счастья в доме графа.

Во время завтрака, на котором, кроме нее, присутствовали только граф и его бабушка, девушка впервые попробовала каравай с салом и луком. Старушка обожала это кушанье и просила кухарку печь его каждое утро. Это оказалась какая-то жутко невкусная вещь с неприятным привкусом топленого жира, но девушка, боясь показаться невежливой, все же съела весь кусок, который в ее тарелку положил слуга. Велина Александровна весьма довольная этим, приветливо спросила:

– Как вам у нас, милочка? Уже свыклись?

– В вашем доме очень душевно, все так добры ко мне, – ответила Надя. – Но мне неудобно далее стеснять вас.

– Глупости, Наденька, – быстро заметил граф. – Я говорил, что ты можешь жить у нас сколько пожелаешь. Твое присутствие мне в радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.